

M 24

P183555

А. Мануевич

**ПОЛЬСКИЙ НАРОД
В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМУЮ
И СВОБОДНУЮ
ПОЛЬШУ**

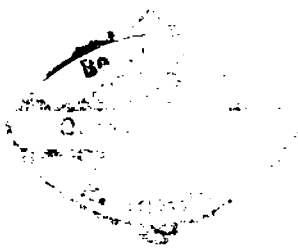
ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ
1945

А. МАНУСЕВИЧ

ПОЛЬСКИЙ НАРОД
В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМУЮ
И
СВОБОДНУЮ ПОЛЬШУ

183555.

ОГИЗ
Государственное издательство
политической литературы
1945

---

21 июля 1944 г. Красная Армия перешла Западный Буг. Вместе с польской армией, действующей на советско-германском фронте, она начала освобождение многострадального польского народа из-под ига немецкой оккупации. Наступил час возрождения Польши.

Пять долгих лет томилась Польша под сапогом прусских колонизаторов. 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия начала против Польши тотальную войну. «Огненным крещением» прозвали гитлеровские пропагандисты действия своих вооружённых сил в войне против Польши. Это «огненное крещение» совершалось методично и беспощадно. Польша была растоптана, раздавлена, опустошена.

Польская армия оказалась не в состоянии остановить врага. Руководители Польши много лет кичились своими вооружёнными силами, изображая их решающим военным фактором для всей Центральной и Восточной Европы. Первые часы испытания боем показали всю необоснованность подобного утверждения. Польской армии не удалось сдержать натиск гитлеровских войск. Высшее польское командование в большинстве своём не проявило личных качеств, достойных солдата и военачальника. Оно не хотело изменить ход событий путём напряжённых усилий и самоотверженной борьбы. Главнокомандующий вооружёнными силами Польши маршал Рыдз-Смиглы, преемник и наперсник Пилсудского, военный министр Каспшицкий, начальник генерального штаба Стахевич оставили свои посты и бежали одними из первых. Славу польского оружия, восходящую к Грюнвальду и ныне возвращённую Польше её сынами, идущими с Востока, спасли тогда герои защиты Варшавы, герои, оборонявшие Кутно, Вестерплатте... Не прошло и двух недель после начала германо-польской войны, как Польша,

брошенная на произвол судьбы её тогдашними правителями, была захвачена немцами.

Восточные части бывшего польского государства—украинские, белорусские, литовские земли взяла под защиту от гитлеровского нашествия Красная Армия.

«Пространство, которое мы освобождаем для немцев»,—так назвал Геринг Польшу в начале германо-польской войны.

Ещё в ходе завоевания Польши Гитлер объявил о непосредственном присоединении к Германии Поморья, Познанской области, Верхней Силезии и Лодзи. Совершив этот раздел Польши, немцы приступили к изгнанию поляков с территорий, присоединённых к райху. Остальная часть Польши была выделена в колонию, названную «генерал-губернаторством».

Палач Франк, поставленный Гитлером во главе «генерал-губернаторства», заявил: «Мы добьёмся того, чтобы стёрлось навеки самое понятие Польша». В Польше раньше, чем в других странах, началось выполнение германских замыслов о вытеснении и истреблении славянских народов. Поляков лишали материальных условий существования, преследовали, пытали, унижали, уничтожали, подавляли их духовную жизнь, запретили употребление польского языка. Более двух миллионов поляков и несколько миллионов евреев в Польше стали жертвами гитлеровского террора уже за первые полтора года немецкой оккупации. Смерд, поднимавшийся с немецких фабрик смерти, стлался над всей Польшей, над всей Европой гитлеровского «нового порядка».

Посетив захваченную Познань, Геббельс объявил: «Польша отныне—немецкая периферия для борьбы против поляков». А Франк, едва вступив в роль палача Польши, самодовольно изрёк: «Отныне политическая роль польского народа закончена. Он является рабочей силой, больше ничем...»

Но гитлеровская шайка просчиталась. Её расчёты опрокинул советский народ, поднявшийся на Великую отечественную войну против немецко-фашистских врагов человечества. Преследуя раненого гитлеровского зверя, уползающего в свою берлогу, Красная Армия начала сокрушать гитлеровский «новый порядок».

Наступили радостные дни освобождения Польши. Польша возрождается. Священной благодарностью к Красной Армии и советскому народу преисполнены сердца польских патриотов. Утверждая ныне свою государственность, они озабочены тем, чтобы рождающаяся Польша была новой Польшей—демократической, сильной, свободной и независимой. Они хотят, чтобы новая Польша учла уроки послеверсальской

Польша и не допустила повторения катастрофы 1939 г. Они хотят, чтобы новая Польша была прочным государством, вечным, как народ, и сильным своей народностью.

* * *

История послеверсальской Польши была для польского народа практической школой того, как не надо строить свою государственность, как не надо передоверять свою судьбу правителям, которые руководствуются лишь эгоистическими классовыми интересами и совершенно чужды интересам народа.

Так же как современное возрождение Польши всецело связано с Отечественной войной советского народа против гитлеровской Германии, так и возникновение довоенного польского государства неразрывно связано с великой освободительной революцией русских рабочих и крестьян.

До Великой Октябрьской революции разделённая на три части польская земля находилась под властью Германской, Австро-Венгерской и Российской империй. Руководящие общественные круги этих частей Польши лояльно сотрудничали с угнетавшими Польшу правительствами. В царской Польше Роман Дмовский, Владислав Грабский поддерживали русское самодержавие и указывали на немецкую опасность. В австрийской Польше Пилсудский проповедывал ненависть к России и русскому народу и пропагандировал идею захвата царской Польши, но не ради создания независимого польского государства, а лишь в целях создания польского королевства с немецкими Габсбургами на троне. Во имя задачи расширения немецкого господства над поляками Пилсудский, Соснковский, Галлер в августе 1914 г., ещё за несколько часов до официального объявления Австро-Венгрией войны России, бросили тысячи обманутых и обманывавшихся польских юношей на русские штыки. Так, в годы первой мировой войны польский народ оказался в странном положении, при котором, по меткому замечанию Ллойд Джорджа, поляки «сражались один против другого и все против независимости своей страны».

Великая Октябрьская социалистическая революция первым своим актом—декретом о мире—провозгласила право каждой малой или слабой народности без всякого принуждения решать вопрос о формах своего государственного существования. Во время переговоров в Брест-Литовске советское правительство требовало увода германско-австрийских войск с оккупированной ими в годы первой мировой войны польской территории и последующего проведения на освобождённой территории референдума для свободного решения польским народом вопроса о

присоединении к тому или иному государству или об установлении государственной самостоятельности Польши.

В процессе переговоров советская делегация по поручению правительства сделала торжественное заявление о полном, безоговорочном признании будущего независимого польского государства. Заявление, оглашённое на конференции представителем Народного комиссариата по делам национальностей, во главе которого стоял И. В. Сталин, ещё раз подтверждало, что советское правительство предоставляет польскому народу право на государственную самостоятельность, и указывало, что границы будущего суверенного польского государства должны быть установлены путём голосования и соглашения с соседним, заинтересованным в этом деле населением.

Временное военное превосходство позволило германскому империализму отвергнуть советские предложения. Но позднее, когда обозначился перелом в военном положении Германии и тем самым приблизился час освобождения польского народа, советское правительство 29 августа 1918 г. особым декретом подтвердило за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство и провозгласило все договоры и акты, заключённые царским правительством с правительством Пруссии и Австро-Венгрии, касающиеся раздела Польши, расторгнутыми навсегда.

Акт от 29 августа 1918 г., подписанный В. И. Лениным, аннулировал полтора десятка договоров, увековечивавших в конце XVIII и начале XIX в. раздел Польши. Этот акт явился великой декларацией воли польского народа. Вместе с предшествующими ему актами советского правительства он стал источником права на суверенное существование Польши, юридической основой для воссоздания польской государственности и её международного признания.

Так Великая Октябрьская социалистическая революция заложила фундамент для восстановления государственной независимости Польши. Советское правительство могло надеяться, что будущее польское государство, вызванное к жизни русской революцией, будет признательным и дружественным соседом.

* * *

После того как право польского народа на образование собственного независимого государства было торжественно провозглашено советским правительством, правительства Великобритании и США тоже заявили о своей готовности содействовать образованию польского государства.

В речи, произнесённой 5 января 1918 г., премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж указал, что будущая независимая Польша включит в себя «все те истинно польские элементы, которые желают войти в её состав».

Точка зрения Соединённых Штатов выразилась в специально посвящённом польскому вопросу тринадцатом пункте американской программы мира, провозглашённой президентом Вильсоном в послании конгрессу от 8 января 1918 г. (известные «14 пунктов»). Этот пункт гласил, что подлежащее созданию польское государство «должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением». Таким образом, английское и американское правительства заявили, что считают целесообразным и естественным для суждения о включении или невключении тех или иных территорий в состав будущего польского государства исходить из этнографического фактора и из принципа свободного волеизъявления народа.

Иную позицию в польском вопросе заняло французское правительство. Его глава и военный министр Жорж Клемансо заверял, что Франция сделает всё возможное для того, чтобы возродить Польшу «в рамках её исторических пределов». Надо сказать, что автором этого тезиса являлся не Клемансо. Нелепое требование возродить в XX в. великодержавное государство, потерявшее жизнеспособность ещё двести лет назад, выдвинули некоторые польские деятели, которые спешили разрубить узы, связывавшие Польшу с революционной Россией, не столько ради освобождения Польши, которое только и было возможно как следствие русской революции, сколько ради сохранения своего господствующего положения в стране и ради захвата смежных земель. Польские деятели этого рода осенью 1917 г. образовали в Париже Польский национальный комитет, в котором играли видную роль бывший член Государственной думы Дмовский, бывший член Государственного совета в России Скирмунт, Цилиць и другие. В США его представлял Падеревский.

Польский национальный комитет вскоре после своего возникновения был признан в качестве официальной польской организации правительствами Франции, Англии, Италии и США. Вот эта-то организация и выдвинула своей программой странную теорию, согласно которой тот факт, что в далёком прошлом господствовавшие классы Польши грабили и угнетали своих ближайших соседей на востоке, даёт им право и теперь угнетать другие народы, по крайней мере в том же объёме и в тех же географических пределах. Спекулируя призраком «большевистской опасности», руководящие деятели польской

эмиграции тех лет выдвигали требования восстановления Польши в границах, предшествующих первому разделу распадавшейся феодальной Польши в 1772 г., т. е. до линии Днепра со включением в подлежащее образованию польское государство Западной и Правобережной Украины, всей Белоруссии, Литвы и некоторых других территорий.

Кое-какие «светлые умы» польской эмиграции находили подобные требования слишком умеренными и настойчиво твердили, что будущая Польша должна простираться «от моря и до моря», от Балтики до Одессы и Аккермана включительно. На меньшее они не соглашались.

Так обнаружилось два подхода к решению вопроса о границах Польши. Первый из них, выдвинутый англичанами и американцами, в основных своих положениях близко подходил к советской точке зрения. Вторым, выдвинутым высшими кругами польской эмиграции, поддерживался тогда французским правительством. Эти два друг друга исключавшие подхода к решению польского вопроса неизбежно должны были прийти в столкновение.

Возникло в польском вопросе и другое внезапное осложнение. После разгрома Германии ставленники германского режима в Варшаве поспешили вручить власть Пилсудскому, в то время как в Париже на роль польского правительства, находящегося в эмиграции, претендовал Польский национальный комитет. Однако вскоре выяснилось, что обе польские группировки — варшавская и парижская — имеют почти одинаковую великодержавную программу аннексий. Для реализации этой программы объединёнными силами деятели обеих группировок вступили в соглашение и образовали коалицию, в которой Пилсудский остался главой государства, а Падеревский, доставленный из Франции в Данциг на борту английского корабля, возглавил правительство. Падеревский и Дмовский представляли Польшу на Парижской мирной конференции.

На Парижской мирной конференции польские делегаты при рассмотрении вопроса о территории, которая должна принадлежать Польше, требовали возвращения к границам 1772 г. Однако к моменту подписания Версальского договора союзные державы не сумели договориться по вопросу о восточных границах Польши, и в статье 87 Версальского мирного договора было зафиксировано, что восточные границы должны быть установлены впоследствии главными союзными и объединёнными державами.

Польша, подписав Версальский мирный договор, тем самым взяла на себя обязательство подчиниться предстоящему реше-

нию великих держав по вопросу о её восточных границах. В день подписания Версальского договора великие державы и Польша подписали особый договор в защиту прав национальных меньшинств в Польше. Вводная часть этого договора устанавливала, что Польша осуществляет суверенитет «над частью бывшей Российской империи, населённой в большинстве поляками». Исходя из этого положения, оставалось только определить линию, отделяющую земли, населённые в большинстве поляками, и эту этнографическую границу Польши сделать, согласно статье 87 Версальского мирного договора, её восточной государственной границей.

Однако польские правители решили уклониться от исполнения договоров и действовать, не дожидаясь решения держав. Они решили стать на путь агрессии или, как буквально сказано в одном из приказов Польского верховного командования того времени, начать «натиск на восток».

Польская демократия оказалась слишком слабой, расплывчатой, не подготовленной к активной защите подлинных интересов польского народа. Она легко поддалась на демагогические обещания Пилсудского и деятелей эмигрантского лагеря, не сумела спасти страну от хозяйничания профессиональных авантюристов и бессовестных политиков.

Руководители новоявленного польского государства, распивая на всех европейских перекрёстках в любви к демократии, начали свою государственную деятельность с похода против независимости и свободы соседних народов. Их первый удар пришёлся по Западной Украине.

В ноябре 1918 г. Западная Украина отделилась от развалившейся монархии Габсбургов. Образовалась Западно-Украинская Республика. Её правительство завязало сношения с украинскими органами в Буковине и Закарпатской Украине, а несколько позднее, в январе 1919 г., заключило соглашение с Украинской директорией Петлюры о создании единой Украинской республики. Но польские магнаты не хотели отказываться от огромных восточных латифундий и украинских крепостных. Ещё в ноябре 1918 г. они инспирировали мятеж во Львове. Мятежники вскоре получили вооружённую поддержку из Варшавы и Кракова. Польская интервенция в Западной Украине превратилась в войну Польши против Украины.

Украина апеллировала к Парижской мирной конференции. Созданная по настоянию Вильсона особая комиссия разработала проект украинско-польской границы, в общих чертах учитывающий требования украинцев о создании независимого украинского государства. Но варшавское правительство решило

не стеснять себя уважением ни к международным актам, ни к суверенной воле соседнего украинского народа и двинуло в наступление на Западную Украину формировавшиеся и обучавшиеся во Франции польские части, так называемую армию генерала Галлера.

Тогда же на помощь варшавским империалистам поспешили бухарестские разбойники: в Западную Украину с юга вторглись румынские войска и захватили Коломыю.

К 20-м числам июля 1919 г. польские войска достигли реки Збруч. Западная часть Украины подпала под пяту захватчиков.

К лету 1919 г. варшавские правители успели совершить многочисленные захваты и на других участках смежных территорий. В апреле месяце, переодев своих солдат в красноармейскую форму, они обманным путём овладели Вильно. Затем был захвачен Брест-Литовск, Барановичи, Пинск, Лида, Минск и сотни других советских белорусских и литовских населённых пунктов.

Отвергая мирные предложения советского правительства, широко используя дипломатическую и материальную поддержку правительства Франции и некоторых других стран, Польша своей безудержной агрессией создавала чрезвычайно неустойчивое положение в Европе и становилась серьёзным препятствием на пути нормализации послевоенных европейских отношений. Поэтому 8 декабря 1919 г. Верховный совет союзников, основываясь на статье 87 Версальского мирного договора, принял, наконец, «Декларацию по поводу временной восточной границы Польши». Этим актом устанавливалась основная часть восточной границы Польши в пределах, лишь несколько выходящих за её этнографическую границу. Эта восточная граница Польши, близкая к её этнографической границе, получила название «линии Керзона», по имени тогдашнего английского министра иностранных дел лорда Керзона. Лорд Керзон, как известно, отнюдь не отличался симпатиями к Советской России и, тем более, не был врагом польских правящих кругов. Однако и он, добиваясь стабилизации послевоенных отношений в Европе, настаивал на установлении для Польши естественной этнографической границы.

После решения Верховного совета союзных и объединившихся держав советское правительство несколько раз повторяло свои мирные предложения и даже выражало готовность начать мирные переговоры с Польшей в Лондоне, Париже или в другом месте. Но в Польше отвергали решения Верховного совета и предложенную им восточную границу, а мирную по-

литику советского правительства расценивали как выражение его слабости.

В апреле 1920 г. польские войска на широком фронте возобновили наступление и ринулись к Киеву. Варшавское правительство рассчитывало отторгнуть от советской державы Правобережную Украину, всю Белоруссию и помочь белогвардейской армии Врангеля. В ходе военных действий Красная Армия нанесла сокрушительный удар польским силам и погнала их далеко на запад. Тогда польское правительство, не раз демонстрировавшее своё неуважение к международному праву и пренебрежение к собственным обязательствам, поспешило воззвать о помощи к собравшейся в Спа международной конференции. В июле 1920 г. конференция в Спа подтвердила линию восточной границы Польши, установленную Верховным советом союзников 8 декабря 1919 г. Представитель Польши на этой конференции — Станислав Грабский — от имени правительства Польши признал «линию Керзона» восточной границей Польши. Решения конференции о восточной границе Польши и по ряду других вопросов были доведены до сведения советского правительства посредством ноты, подписанной британским министром иностранных дел лордом Керзоном.

Но, используя военную поддержку своих западных союзников, особенно французской военной миссии, глава которой генерал Вейган по существу отстранил от общего руководства польскими вооружёнными силами главнокомандующего Пилсудского и военного министра Соснковского, польское правительство уклонилось от действительных переговоров с Советской Россией, несколько выправило своё военное положение, продвинуло войска на восток от Западного Буга и отказалось придерживаться решений, принятых на конференции в Спа. Затем, опасаясь новых ударов со стороны Красной Армии, Польша всё же пошла на мирные переговоры с Советской Россией. Тяжёлое положение, в котором тогда находилось молодое Советское государство, вынудило его правительство согласиться на другую, менее благоприятную, нежели «линия Керзона», границу, искусственно разделявшую на две части земли украинцев и белоруссов и оставлявшую часть из них под властью Польши. Советское предложение о демократическом плебисците в спорных областях было категорически отклонено поляками. В конечном счёте Польша навязала Советской республике договор, заключённый 18 марта 1921 г. в Риге.

По «рижской линии» западные части Украины и Белоруссии остались аннексированными Польшей. В результате этой несправедливости, вытекавшей из разбойничьей политики

польских империалистов, более 7 миллионов украинцев и более 3 миллионов белоруссов были обречены на многие годы национального и социального угнетения со стороны польских помещиков, реакционеров и жандармов.

Те же неслыханные методы насилия, произвола, такой же разбой, клятвопреступление, вероломство и лицемерие сопровождали установление северо-восточного участка границы Польши. Красная Армия, освободив Вильно, передала Литве её древнюю столицу. 7 октября 1920 г. в Сувалках Польша подписала с Литвой договор, признающий право последней на Виленщину, а через два дня, 9 октября 1920 г., польские войска вторглись на территорию Литвы и захватили её столицу Вильно.

Польская политика установления восточной границы в 1918—1921 гг. с успехом может быть названа прообразом фашистских приёмов международного бандитизма. Вся восточная граница послеверсальской Польши была установлена не на основе добрососедской договорённости заинтересованных государств, учитывающих национальный состав населения, выражения его воли и стремлений, а путём вооружённого захвата, осуществлённого по приказу польских правителей. Ценой глумления над принципами международного права, полного пренебрежения к суверенной воле народов, истребления тысяч людей, повинных только в любви к свободе и верности своему народу, руководители послеверсальской Польши создали страну, ставшую тюрьмой народов, отторгнутых от своей отчизны. Не удивительно, что плоды этой политики сказались на неустойчивости внутреннего положения Польши. Острота раздиравших её противоречий—прямое следствие захватнической политики польского правительства в 1918—1921 гг.

Нельзя также забывать, что создание этой уродливой Польши оказалось возможным главным образом потому, что лидеры великих держав либо не противились агрессии, либо прямо её поддерживали. В конечном счёте они сослужили весьма плохую службу Польше, которая благодаря их прямой или косвенной помощи сложилась не как монолитное государство, а как страна, внешнее единство которой было всецело основано на политике огня и меча.

* * *

Создание послеверсальской Польши носило военно-захватнический характер, и это наложило свой неизгладимый отпечаток на всю её внутреннюю и внешнюю политику.

Внутреннее и внешнее положение страны было очень не-

устойчивым. Пытаясь несколько расширить свою социальную базу, польские реакционные военные и политические группировки ещё в первые месяцы пребывания у власти были вынуждены признать необходимость земельной реформы.

Аграрные отношения в польской деревне характеризовались преобладанием крупных помещичьих хозяйств и наличием огромной прослойки безземельных и малоземельных крестьян. В 1921 г. на долю 64,4% мелких и мельчайших хозяйств площадью до 5 га приходилось 14% земельной площади, тогда как 0,5% крупнейших хозяйств — имений свыше 100 га — занимали 31% земли. По отдельным воеводствам эти средние данные с ещё большей очевидностью вскрывали преобладание крупной и крупнейшей земельной собственности в польском сельском хозяйстве. В четырёх северо-восточных воеводствах (Виленском, Новогрудском, Полесском и Волынском) 39,5% мелких и мельчайших крестьянских хозяйств занимали 9,5% земельной площади, в то время как 0,8% крупных хозяйств, размером свыше 100 га, владели 54,1% земли. Крестьянское малоземелье было связано с сохранением ряда феодально-крепостнических форм зависимости бедноты от небольшой горстки помещиков. В польской деревне господствовали издольщина, оработки, барщина.

Естественно, что крестьянство не только окраин, но и этнографически польских районов, изнывая в безысходной нужде и помещичье-ростовщической кабале, видело для себя путь к спасению только в коренной ломке земельных отношений. В польской деревне ширилось движение по захвату помещичьих владений. Напуганное размахом крестьянской борьбы за землю и заинтересованное в использовании крестьянства для реализации своих великодержавных планов, польское правительство разработало в 1919 г. проект аграрной реформы. Проваленный при голосовании в сейме большинством одного голоса, но при вторичном голосовании одобренный большинством также в один голос, этот проект стал законом 10 июля 1919 г.

Согласно акту о земельной реформе, размер землевладения вблизи больших городов ограничивался 60 га; на восточных окраинах — «кресах» — 400 га, а во всех остальных местностях — 180 га. Демагогический, обманчивый характер этой меры, продиктованной лишь стремлением успокоить крестьянство и усилить приток крестьянской молодёжи в армию, был очевиден, так как закон не предусматривал ни способов отчуждения, ни способов распределения земли.

Позднее, в дни наступления Красной Армии, 15 июля

1920 г., были приняты специальные «Исполнительные правила» к земельной реформе: земли сверх норм, установленных законом от 10 июля 1919 г. и не являвшиеся частью специализированных или высокоусовершенствованных хозяйств, подлежали отчуждению за вознаграждение и включению в земельный фонд, из которого должны были выделяться для продажи участками размером до 15 га. Разрешалась покупка земли из фонда мелкими и средними собственниками с тем, чтобы общая площадь их владений не превышала 45 га в восточных и западных воеводствах и 23 га в остальных частях страны. Первоочередным правом покупки земли из земельного фонда должны были пользоваться инвалиды войны, затем добровольцы польской армии, демобилизованные солдаты, сельскохозяйственные рабочие парцеллируемых владений, мелкие собственники соседних с парцеллируемым владением участков и т. д. В целях защиты интересов помещиков «Исполнительные правила» предусматривали право землевладельцев на обжалование в суде решения об отчуждении как в отношении самого отчуждения, так и в отношении расценок при парцелляции. Путём обращения в суд помещик получал возможность воспрепятствовать отчуждению своих земельных излишков.

Но помещикам даже не пришлось прибегать к этому, законом установленному способу противодействия земельной реформе. Как только миновала опасность поражения, польское правительство забыло и думать о принудительном отчуждении помещичьих земель и ограничилось лишь парцелляцией части государственных земельных владений.

За годы с 1919 по 1925 помещики путём продажи и отчуждения лишились всего лишь около 5% своей земельной собственности.

При такой аграрной политике правительства даже зажиточный слой польского крестьянства не мог обзавестись нужной ему землёй. В 1923 г. под давлением крестьянской верхушки между партией крупного и зажиточного крестьянства «Пяст» и одной из ведущих помещичьих и буржуазных партий — национал-демократами — было достигнуто соглашение о совместном требовании ежегодной парцелляции по крайней мере 200 тыс. га земли. После продолжительной политической борьбы это соглашение («Ланцкоронский пакт») было положено в основу нового аграрного закона от 28 декабря 1925 г.

Новый закон предусматривал ликвидацию чересполосицы и дробление 200 тыс. га земли в год, включая сюда и земли, добровольно распродаваемые помещиками по ценам вольного рынка. Установив лишь в общих словах, что разделённая на

Участки земля поступает в продажу по цене, которая «не должна быть спекулятивно высокой», закон по существу создавал полную свободу спекуляции парцеллируемой землёй и делал её совершенно недоступной для трудовых элементов деревни. Новый закон совершенно не имел в виду безземельного и малоземельного крестьянства. Это было видно хотя бы из того, что преимущественное право на землю предоставлялось тем, кто обладает средствами на обзаведение хозяйством.

Крестьянство в Польше не получило земли. Польша осталась страной резких социальных контрастов: излишества и роскошь, огромные земельные владения правящей кучки противостояли нищете и безземелью широких кругов народа.

* * *

17 марта 1921 г., как раз накануне подписания Рижского мирного договора, Учредительный сейм принял конституцию Польши. В польском государстве устанавливался республиканский образ правления. Декларировались элементарные демократические свободы: свобода слова, печати и собраний, свобода выбора места жительства и передвижения, неприкосновенность личности и жилища, устанавливалось равенство всех перед законом «без различия происхождения, народности, языка, расы или религии».

Законодательная власть предоставлялась парламенту, состоящему из двух палат — сейма и сената. Сейм должен был избираться на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального избирательного права гражданами, достигшими 21 года. Военнослужащим активное избирательное право не предоставлялось. Сенат избирался на той же основе, но по воеводствам и гражданами, достигшими 30-летнего возраста. Быть избранными в сейм могли все, имеющие право голоса и достигшие возраста 25 лет. Депутат сената не мог быть моложе 40 лет. Акты, принятые сеймом при первом рассмотрении, подлежали утверждению со стороны сената. Сенат имел право вернуть обратно в сейм любой законопроект, но после вторичного одобрения сеймом спорный законопроект приобретал законную силу независимо от позиции сената. Сейм и сенат, действуя как национальное собрание, избирали президента на 7 лет.

Исполнительная власть предоставлялась президенту и правительству, ответственному перед палатами. Президент и правительство не имели права, минуя парламент, ни приостанавливать действие существующих законов, ни издавать новые законы, ни распускать палаты и назначать новые выборы до истечения 5-летнего срока полномочий сейма и сената.

Государственным языком признавался польский, а римско-католическая религия — господствующей.

В общем, конституция 1921 г. была, несомненно, буржуазно-демократической. Принятие такой конституции было связано со стремлением господствовавших кругов, не имевших сколько-нибудь прочных позиций в народе, добиться известного смягчения социальной и национально-освободительной борьбы. Даже в первые годы существования польского государства демократические институты конституции 1921 г. рассматривались её авторами как временное явление, как отводный канал для настроений недовольства и разочарования, охвативших широкие слои польского народа.

Практически права, предоставленные польскому народу по конституции, никогда не соблюдались. В большинстве воеводств даже не вводились предусмотренные конституцией воеводские самоуправления. Административные органы никогда не допускали осуществления на практике элементарных демократических свобод и произвольно расправлялись с лицами и организациями, пытавшимися использовать возведённые конституцией права. Польша была классической страной политического бесправия и полицейского произвола. Особенно тягостным было положение национальных меньшинств.

* * *

В границах послеверсальской Польши, сколоченной путём насилия и разбоя, национальные меньшинства составляли немногим меньше половины всего населения страны. Главная масса национальных меньшинств проживала в восточных частях государства, на землях Украины и Белоруссии, которыми завладела польская правящая клика. Вынужденное согласиться на отторжение этих территорий, советское правительство настояло на включении в Рижский мирный договор обязательства со стороны Польши проводить политику равноправия национальностей, обеспечивающую лицам русской, украинской и белорусской национальности свободное развитие культуры, языка, использование всех прав, выполнение религиозных обрядов и т. д. Весьма серьёзные обязательства подобного же рода были приняты Польшей по Версальскому мирному договору, по договору о защите национальных меньшинств и т. д. В действительности, польское правительство проводило национальную политику, противную духу демократии и не имевшую ничего общего с международными обязательствами Польши.

В основе национальной политики Польши лежали методы самого разнузданного колониального порабощения. Рассматри-

183555

вая восточные окраины — «кресы» — как внутреннюю колонию, польские помещики беспощадно эксплуатировали и притесняли местное население. Национальная литература, пресса, язык подвергались гонениям. Число украинских школ в Западной Украине сократилось с 3 600 в 1919 г. до ста с небольшим в последний период польской оккупации, число белорусских школ упало с 500 до 8 начальных и 1 средней. Лицам непольской национальности всячески затруднялся доступ в высшие и специальные учебные заведения и на государственную службу. Национальные политические и культурные организации систематически подвергались разгрому. В украинских и белорусских деревнях полновластно распоряжались польский чиновник и полицейский. Всякое проявление оппозиционных настроений подавлялось самыми крутыми мерами, вплоть до военных.

Экономическая политика правительства по отношению к «кресам» сводилась к превращению их в колонию этнографической Польши. В Западной Белоруссии и на Волыни находилось лишь 4% промышленных предприятий и расходовался только 1% электроэнергии, производившейся в стране. Текстильная промышленность Белостока сократилась в три раза по сравнению с годами, предшествовавшими первой мировой войне.

Но самым тяжёлым бременем для украинского и белорусского населения являлось господство польских помещиков над украинской и белорусской землёй. Вся крупная земельная собственность здесь находилась в руках польских помещиков. Если во всей Польше 64% мелких и мельчайших крестьянских хозяйств владели только 14% земли, то в Западной Украине почти 90% мелких и мельчайших украинских крестьянских хозяйств владели всего 10% земли. В Львовском и Тарнопольском воеводствах, например, крупнейшие помещики-поляки, составлявшие всего 0,5% земельных собственников, владели 46,4% всей земли; в Западной Белоруссии 155 тыс. мелких крестьянских хозяйств имели в шесть раз меньше земли, чем 3 тыс. помещиков, и т. д. Естественно, что всякого рода феодальные пережитки — издольщина, отработки, долговая кабала — сказывались на «кресах» с особенной силой. Здесь аграрный вопрос выступал в форме национального вопроса, и это ещё более обостряло порождаемые им противоречия.

Польские правящие круги искали решения этой государственной проблемы в политике свирепого террора против украинского и белорусского населения. Земельная реформа на «кресах» в руках местных администрации служила исключи-

тельно целям обезземеливания крестьян и заселения белорусско-украинских земель военными колонистами—«осадниками».

Широко практикуя насаждение «осаднических» хозяйств, польское правительство стремилось найти в них опору для борьбы против местного населения и в то же время дополнительную пограничную стражу на восточной границе. Осадники вербовались из офицеров запаса и наиболее преданных режиму солдат польской национальности, отбывших срок действительной службы. Осадники получали значительные земельные участки и солидную материальную поддержку со стороны правительства. Организованные в «союз осадников восточных окраин», хорошо вооружённые, тесно связанные с местными властями, проходящие специальную военную подготовку, осадники должны были отстаивать интересы польских оккупантов на захваченных ими землях. По неполным данным, число осадников в 1938 г. достигло 28 тыс., а вместе с семьями — 78 тыс. Естественно, что осадник являлся таким же врагом украинского и белорусского крестьянства, как и польский помещик.

Возрастающее обнищание, голод, эпидемии, духовная подавленность, глумления и издевательства властей были уделом национальных меньшинств в послеверсальской Польше.

Нелегко жилось и трудящимся польских городов. Положение рабочего класса Польши систематически ухудшалось. Установленный в первый месяц существования польского государства восьмичасовой рабочий день никогда не соблюдался, интересы рабочих законом почти не защищались, заработная плата была крайне низкой, постоянно существовала огромная армия безработных, многочисленные конкурировавшие друг с другом профессиональные союзы раскалывали рабочее движение и в целом не облегчали положения трудящихся. Широкое забастовочное движение, нередко перераставшее в столкновения с полицией, отдельные вооружённые восстания, из которых наиболее значительное произошло в Кракове в 1923 г., с полной определённостью свидетельствовали о том, что положение польского рабочего класса также было весьма тяжёлым.

Таким образом, в послеверсальской Польше существовал целый ряд противоречий. В основном эти противоречия проходили по трём линиям: по линии рабочего вопроса, по линии крестьянского вопроса, по линии вопроса национального.

* * *

В середине двадцатых годов внутреннее положение Польши осложнилось глубоким политическим кризисом, охватившим

правлящие круги. Страшная коррупция чиновничества, депутатов, министров, вакханалия хищений, непрерывные разоблачения и сенсационные скандалы потрясали политическую жизнь страны. Финансовое положение государства — как впрочем и до того и после того — было очень тяжёлым. Разложение в правящих кругах способствовало тому, что рабочие и крестьяне всё больше убеждались в необходимости преобразования власти. Это заставило правящие группы задуматься о решительных мерах по упрочению своей власти и ликвидации угрозы революционного взрыва. Роль спасителя интересов господствовавших классов сыграл Пилсудский.

Ещё в начале политического кризиса Пилсудский ушёл в отставку со всех официальных постов. Став в позу независимого оппозиционера, он принялся усердно поносить правительство и государственную систему. Вместе со своими единомышленниками из военной среды Пилсудский прикинулся врагом политики национального угнетения, человеком, сочувствующим трудящимся и мелким собственникам. Он стал требовать «оздоровления» — «санации» — страны. Прожжённый авантюрист, Пилсудский своей демагогической деятельностью вновь сумел дезориентировать общественное мнение, вселить надежды в сердца малоосведомлённых элементов города и деревни. Используя благоприятные условия, пилсудчики произвели в мае 1926 г. вооружённый переворот. После победы заговорщиков, захвативших власть под лозунгом «санации», сейм и сенат одобрили переворот, устранили президента и заменили его креатурой Пилсудского — Игнатием Мосьцицким, человеком, тайно состоявшим в швейцарском подданстве.

Немедленно были внесены важные изменения в конституцию 1921 г.: президент получил право роспуска палат по представлению правительства, на время между парламентскими сессиями президент и правительство получили право издания законов... Закон об организации высшего военного управления устранил влияние парламента и правительства на армию и подчинил её главному инспектору (эту должность занял Пилсудский). Так, в результате государственного переворота в мае 1926 г. в Польше был установлен режим диктатуры Пилсудского и его клики, осуществлявших постепенную фашизацию страны.

Начались гонения на все демократические организации, культурно-просветительные общества и т. д. Опираясь на армию и полувойенные добровольческие организации («союз легионеров», «союз осадников», «стрелковый союз» и др.),

пилсудчики проводили политику, отвечающую интересам крупнейших капиталистов и земельных магнатов.

Земельный закон 1925 г. был использован для финансирования помещиков, под видом «парцелляции» сбывавших земельным органам непригодные или неудобные владения. Самый объём парцелляции был резко сокращён, зато усилилось насаждение осадничества на «кресах».

Разразившийся мировой экономический кризис резко ухудшил положение польского народного хозяйства.

Крестьянство оказалось совершенно разорённым. По подсчётам Пулавского государственного научно-исследовательского института, доход члена крестьянской семьи за рабочий день в 1927—1928 гг. был равен 3,15 зл., в 1928—1929 гг. — 1,57, в 1929—1930 гг. — 0,12 зл., а с 1932 г. каждый рабочий день приносил крестьянину уже не доход, пусть хотя бы самый незначительный, а только убытки. Дефицит покрывался добровольной и принудительной продажей инвентаря, скота и земли. Голод и опустошение царили в польской деревне. Деревня бурлила, отстаивая своё право на жизнь, землю и свободу.

Доведённое до крайней степени нищеты и бесправия, крестьянство «кресов» стало переходить к активным формам борьбы за существование. Правительство пилсудчиков ответило массовыми карательными экспедициями в украинские и белорусские земли. Началась полоса кровавого умиротворения, «пассификации» «кресов», продолжавшаяся вплоть до их освобождения из-под власти польских захватчиков.

Ожесточённые столкновения проходили и в польских по национальности деревнях. В 1931 г. три важнейшие партии польского крестьянства — «Пяст», «Вызволение» и Крестьянская партия — слились в единую Народную партию («Стронництво людове»), возглавленную Витосом. Эта партия добивалась бесплатного отчуждения части помещичьих владений, демократизации политического строя и других мероприятий, отвечавших насущным нуждам крестьянства. В 1933 г. значительная часть Краковского воеводства была охвачена крестьянским восстанием. Только самый разнузданный террор пилсудчиков давал ещё возможность оберегать интересы земельных магнатов.

В положение рабочего класса кризис внёс также резкие перемены. По сравнению с 1928 г. число рабочих в 1935 г. составляло всего 69,7%, а их заработная плата — только 49% заработной платы польских рабочих в 1928 г. Польские пролетарии решительно сопротивлялись переложению на их плечи

тягот кризиса. Непрерывно росло число забастовок, рабочие занимали заводы, фабрики, шахты и не покидали их, пока не добивались удовлетворения своих требований; в Кракове, Львове, Лодзи имели место кровавые столкновения рабочих с полицией и войсками.

В обстановке нараставшего демократического движения, которое, правда, парализовалось разбродом в среде польской демократии и отсутствием у неё единства действий с национальными меньшинствами, сохранение даже остатков конституции 1921 г. становилось помехой для господствовавшей в стране реакционной клики.

Правительство «санации» завершило фашизацию Польши установлением в 1935 г. новой конституции.

По этому основному закону глава государства нес ответственность только «перед богом и историей», освобождался от какой-либо ответственности и зависимости от людей и мирских учреждений. Президенту предоставлялось право назначать председателя совета министров, распускать сейм, решать вопрос о войне и мире, а в особых случаях даже указывать преемника на свой пост. Одновременно весьма значительно урезывалось избирательное право и отменялся ряд элементарных демократических свобод. Своё отношение к конституции 1935 г. польские трудящиеся выразили в мощной волне забастовок протеста и бойкотом выборов в новый сейм со стороны более чем двух третей избирателей. Таким образом, польский народ отказался признать новую конституцию, но вырвать власть у реакционной клики у него не хватало сил.

Наступление реакционных элементов в Польшу ярко отразилось кроме того в усилении угнетения национальных меньшинств, а также в обострении отношений с Советским Союзом.

* * *

Рижский мирный договор 1921 г. был призван открыть новую страницу в советско-польских отношениях. Но уже первые месяцы действия этого договора показали, что польское правительство не стремится к добрососедским отношениям и относится безответственно как к духу, так и к букве своих обязательств.

Попрежнему на польской территории открыто осуществляли свою деятельность различные антисоветские эмигрантские организации, белогвардейские банды Петлюры, Тютюнника, Булак-Булаховича, Савинкова. Польские должностные лица принимали главарей этих бандитских объединений, польские государственные органы назначали им субсидии и пенсии,

выплачивали содержание и выдавали оружие. Белогвардейские листки и польская печать продолжали бешеную травлю нашей страны. С польской территории на нашу землю вторгались контрреволюционные банды и диверсанты. Так продолжалось из месяца в месяц и из года в год, хотя по статье 5 Рижского мирного договора польское правительство должно было прекратить деятельность всяких антисоветских организаций на своей территории.

Естественно, что систематическое невыполнение Польшей условий Рижского мирного договора и активное участие правительства «санации» во всех международных антисоветских начинаниях создавали перманентный кризис в советско-польских отношениях.

Послеверсальская Польша была искусственным объединением насильственно удерживаемых территорий и народов; она возникла как захватническое антисоветское государство. Это предопределило последующую внешнюю политику Польши как политику, враждебную СССР и рассчитанную на союз с той группой империалистических держав, которая на данном историческом этапе возглавляла антисоветский фронт. Тесно связанная с Францией, Румынией, Финляндией, Польша стремилась подчинить своему влиянию прибалтийские страны и всячески препятствовала усилению международных связей Советского Союза. В 1922 г. она отказалась от пропорционального сокращения вооружений и вместе с Финляндией сорвала Московскую конференцию по разоружению. В 1925 г. она не согласилась на советское предложение заключить договор о ненападении, несмотря на то, что Локарнский договор оставил под угрозой её границу с Германией. В момент резкого усиления германской агрессивности позиция польского правительства не оставляла сомнения в том, что оно в первую очередь рассматривает себя не как представителя интересов Польши, а как передовой отряд любого антисоветского агрессора. Мутная волна пропаганды захватнической войны против нашей страны почти непрерывно заливала Польшу. В накалённой атмосфере бешеной травли СССР произошло памятное преступление: 7 июня 1927 г. в Варшаве от пули террориста погиб полпред СССР т. Войков.

Лозунги «За Буг!» и «За Неман!», призывы к походу против СССР замелькали на столбцах печати, в речах ораторов. Но польский народ в лице десятков тысяч варшавян, явившихся отдать последний долг т. Войкову, ясно показал, что он не одобряет враждебной СССР политики правительства.

После установления в Германии фашистской диктатуры суще-

ствование Польши оказалось под особенно сильной угрозой удара со стороны германского империализма. Но польские правители, прельщённые антисоветским курсом политики фашистов, закрывали глаза на гитлеровские угрозы Польше и выказали полную готовность сделать Польшу коридором, через который пройдут немцы, чтобы захватить советские земли. При этом они надеялись получить кое-какие комиссионные за счёт нашей страны. Правительство «санации» в 1934 г. заключило с Германией договор о ненападении. Смысл этого соглашения на фоне отказа от политики коллективной безопасности заключался в готовности развязать фашистам руки при осуществлении их империалистических замыслов, открыть им путь на восток.

Руководители Польши не сомневались в действительных чувствах фашистских главарей к Польше. Нельзя оправдать беков, рыдз-смиглых, рачкевичей и других деятелей правившего в Польше лагеря тем, что они не знали истинных планов германских фашистов в отношении Польши. Нет, они просто полагали, что их собственная антисоветская политика заслужит им амнистию от Гитлера и даже обеспечит его благодарность. Ясно, что это был авантюризм чистейшей воды.

Когда гитлеровская Германия захватила Австрию, а затем и Мемель, варшавские правители предъявили наглый ультиматум Литве. Понадобилось решительное предостережение Советского Союза для того, чтобы предохранить малое государство от польской агрессии. Затем, как известно, решением Мюнхенской конференции Чехословакия была принесена в жертву Гитлеру. Хищным зверем набросились польские правители на земли соседней братской славянской республики и захватили Тешинскую область. Обеспечив себе позиции в центральной и юго-восточной Европе, германские фашисты резко изменили тон своих отношений с Польшей, стали предъявлять ей требования одно значительнее другого, расторгли германопольское соглашение 1934 г.

Казалось бы, всякое правительство, не лишённое чувства ответственности перед страной и живущее национальными интересами, должно было сделать всё от него зависящее для исправления собственных ошибок и ликвидации той угрозы, которую оно навлекло на своё отечество. Но поведение польского правительства свидетельствовало, что оно не было способно на такой шаг. Бек обратился в Лондон и Париж с просьбой о гарантиях безопасности для Польши. Английское и французское правительства обратились к СССР с просьбой оказать Польше совместную помощь против агрессии. Проводя

последовательную политику мира и добрососедских отношений, советское правительство выразило готовность пойти навстречу англо-французским пожеланиям. Но польские авантюристы заявили об отказе принять помощь со стороны Красной Армии в случае угрозы нападения гитлеровской Германии. Тем самым Бек, Рыдз-Смиглы, Рачкевич и все господствовавшие в Польше антинародные группировки в августе 1939 г. подставили свою страну под удар гитлеровской Германии. Удар не заставил себя ждать. Не умея, да и не желая организовать должный отпор, правительство в первую же неделю войны бежало из Варшавы, а затем бросило Польшу на произвол судьбы.

* * *

Германский фашизм принёс в Польшу режим неслыханных злодеяний, кровавого террора и человеконенавистничества в таких невероятных размерах, что поставил под угрозу физическое существование всего польского народа. Короткая расправа чинилась над рабочими и крестьянами, над всеми представителями польской демократии, не желавшими признавать немецкое господство. Оккупанты спешили уничтожить интеллигенцию — носительницу национальной культуры, исторических традиций страны. Немцам казалось весьма опасным её организующее влияние. Какой-нибудь случайный повод — недостаточно низкий поклон встречному немцу, недоброжелательный взгляд, недостаточно быстрый отход с пути перед напыщенным завоевателем — был достаточным основанием для самых свирепых расправ, жертвами которых часто делались население целых кварталов.

Поглощённые идеей истребления и неудовлетворённые способами её осуществления, немцы, помимо обычных для них лагерей смерти различного типа, стали создавать в Польше особые индустриальные предприятия по массовому уничтожению людей. В Демблине, Освенциме, Хэлме, Собибуре, Бялой Подляске, Тремблинке были созданы специальные заведения по истреблению неугодных гитлеровцам групп населения. На Майданеке, под Люблином, с конца 1940 г. была устроена механизированная человеческая бойня, которая изо дня в день приносила смерть тысячам поступавших туда людей. Людоед Гитлер превратил Польшу в огромный палаческий застенок.

Для пополнения резко уменьшавшихся резервов рабочей силы в Германии сотни тысяч поляков угонялись, как рабы, на немецкие шахты, фабрики и заводы.

Тот, кто почему-либо временно миновал руки гитлеровского убийцы, в ожидании часа расправы испытывал на себе режим бесправия, постоянных унижений, непрерывного застрашива-

ния, вечного голода и духовной придавленности. Улицы польских сёл и городов пестрели надписями: «Вход полякам воспрещён», «Трамвай только для немцев», «Для поляков вход через чёрную дверь...».

Чтобы стереть самое воспоминание об истории польского народа и его культуры, гитлеровцы не только разгромили все польские университеты и гимназии, но ликвидировали музеи и уничтожили памятники выдающимся людям — Костюшко, Мицкевичу, Шопену и другим. Они запретили публичное употребление польского языка. Гитлеровский наместник Фюрстер, впоследствии поссорившийся со своим патроном и бежавший от него в США, угрожающе предупреждал: «Тот, кто из соображений удобства или по другим причинам говорит по-польски, совершает преступление по отношению к Германии... Мать, разговаривающая со своими детьми по-польски, также совершает преступление по отношению к немцам».

Стремясь посеять рознь среди местного населения, оккупанты пытались онемечить часть поляков — вербовали наименее устойчивые элементы, готовые отречься от своей национальности, в особые группы «фольксдейче».

Завоеватели считали себя собственниками всего живого и мёртвого, что находилось в пределах их власти. Провозглашая экспроприацию всего того, что было создано трудом многих поколений польского народа, гитлеровский наместник Грейзер заявил: «Немец — господин в этой стране... Нам, господам, принадлежит вся страна, земля, дома, имения, крестьянские дворы — всё». Горожане и крестьяне, зажиточные и бедные становились жертвой алчных, разбойничьих поработителей. Американские корреспонденты, посетившие Польшу вскоре после катастрофы 1939 г., писали: «Немцы решили уничтожить польское крестьянство. У них отнимают имущество, конфискуют продовольствие, их дочерей хватают среди бела дня и увозят в Германию. Агенты гестапо входят в крестьянские дома и забирают всё. Гитлеровцы решили, что чем меньше останется в живых польских крестьян, тем лучше». У населения Радомского района, в этом отношении ничем не отличающегося от других районов Польши, лишь за несколько недель немцы отобрали 5 тыс. м мануфактуры, 22 600 кг мяса, 40 тыс. кг зерна, 440 кг кожи, 560 пар обуви и т. д.

Вся крупная польская промышленность была захвачена оккупантами. В польскую деревню вслед за гестаповцами хлынула полумиллионная свора немецких переселенцев. Предварительно они проходили обязательную полицейскую практику в одном из немецких концентрационных лагерей. Немецкие ко-

лонисты, обосновываясь на польской земле, получали в собственность в среднем пять польских крестьянских хозяйств, со всеми постройками, скотом, инвентарём и людьми, превращёнными в рабочий скот.

Немцы создали в Польше восемь видов немецкой полиции, а также взяли к себе на службу старую польскую полицию, всегда служившую врагам польского народа и сданную своими руководителями с рук на руки новым господам. К новым хозяевам Польши переметнулся кое-кто из её недавних правителей. Так, в открытое услужение гитлеровцам пошёл бывший польский премьер-министр Леон Козловский, один из столпов «санационного» режима, бывший польский посол в Германии Бысоцкий, бывший министр Гетель, крупный делец Ляштовичка, граф Роникер и др. Они пытались стать польскими квислингами. Но, питая особо лютую ненависть к полякам и придавая особое значение администрации на территориях, прилежащих к СССР, Гитлер отверг домогательства даже тех из пилсудчиков, которые сами решили служить палачам своего народа.

В первый период после разгрома Польши гитлеровскими полчищами польский народ фактически остался без политического руководства. Правда, в маленьком французском провинциальном городке Анжере обосновалась группа польских эмигрантов, присвоивших себе наименование польского «правительства». Юридическим основанием для его появления на свет служил якобы тот факт, что бывший польский президент Мосьцицкий назначил на основании статьи 24 фашистской конституции 1935 г. своим преемником Рачкевича. Но к моменту этого назначения Мосьцицкий уже сам не выполнял президентских обязанностей и даже официально не был польским гражданином, а подданным Швейцарии, и потому не мог использовать прав, предоставленных конституцией президенту. Кроме того не существовало правительственной газеты, в которой, согласно конституции, должно быть опубликовано назначение преемника президента. Таким образом, претензии этого эмигрантского «правительства» на то, чтобы считаться представителем польского государства, не имели под собой никаких юридических оснований.

Главой этого странного правительства стал генерал Сикорский, осудивший в своё время государственный переворот 1926 г. и стоявший в оппозиции к пилсудчикам; его заместителем был в ту пору Соснковский — матёрый реакционер, из-за личного конфликта с Пилсудским игравший в годы «санации» второстепенные роли. Свою деятельность в Анжере это «пра-

вительство» ознаменовало объявлением войны Советскому Союзу.

Тем временем в захваченной немцами Польше, в лесистых местностях Люблинщины, в гористых районах Келецкого воеводства осенью 1939 г. и зимой 1940 г. продолжали вести борьбу разрозненные остатки прежней регулярной армии. К весне 1940 г. они в большинстве своём были уничтожены; но зато в глубоком подполье успели организоваться некоторые нелегальные группировки. Понятно, что польской демократии собрать силы было труднее всего: её лидеры и активисты подвергались всяческому преследованиям ещё во времена господства «санации». Оккупанты, в свою очередь, наиболее жестоко расправлялись именно с деятелями рабочего класса, передовыми представителями интеллигенции и крестьянства. Поэтому раньше всех успели создать более или менее прочные организации реакционные круги, готовые действовать в единстве с эмигрантским правительством.

В польском подполье опорой эмигрантского «правительства» являлся нелегальный Союз вооружённой борьбы, а также другая военная организация — Штаб защитников Польши. Эти организации, особенно первую из них, составили наиболее реакционные элементы польского офицерства, стремившиеся не допускать массового развития вооружённой борьбы против оккупантов и сохранить в своих руках монополию на обладание оружием. Впоследствии эмигрантское правительство объединило свои вооружённые силы в Польше в так называемую Армию Крайову. Подавляя попытки польских патриотов бороться с немцами, проводя тактику «нейтралитета» в советско-германской войне, эта армия, действуя по указанию лондонского эмигрантского правительства, по существу лишь облегчала оккупантам господство в захваченной стране.

В течение первых полутора лет оккупации борьба польского народа против угнетателей не имела ясно намеченной широкой перспективы, не шла дальше частных, случайных целей. Осуществляя ли саботаж на предприятиях, уклоняясь ли от поставок, или употребляя публично родной язык, польский патриот просто героически демонстрировал свою непримиримость к чужеземному владычеству и верность родине. Лишь постепенно кое-где стали складываться кружки, группы, ячейки, пытавшиеся найти пути к освобождению Польши. Серьёзным ударом по этому было начавшему формироваться направлению активной борьбы с немцами явились военное поражение и капитуляция Франции, поражение и уход английской армии за Ла-Манш летом 1940 г. Эти события не только отняли надежду на воз-

возможность освобождения в результате разгрома гитлеровской Германии в Западной Европе, не только укрепили самомнение захватчиков, но, как ни странно, привели к усилению реакционных группировок в польском общественном движении.

Используя факт разгрома Франции, страны несомненно более сильной, чем Польша, виновники катастрофы 1939 г. попытались реабилитировать себя ссылкой на то, что ввиду судьбы, постигшей Францию, участь Польши была predetermined. Авантюристы и капитулянты, подготовившие захват Польши Гитлером, стали с необыкновенной наглостью утверждать, что они не предатели и не враги народа, а чуть ли не национальные герои. Из факта поражения Франции они попытались сделать трамплин для захвата руководящих позиций в польских организациях. Некоторые из них, наиболее скомпрометированные, лишь в силу случайности оказавшиеся в среде врагов гитлеровской Германии, например польский фашист Мацкевич, участник съезда гитлеровской партии в Нюрнберге в 1936 г., предлагали Сикорскому остаться на французской территории и предложить свои услуги Гитлеру. Но польское эмигрантское правительство эвакуировалось в Лондон.

В отличие от Франции, где постоянно, ещё до катастрофы 1939 г., проживали сотни тысяч поляков, преимущественно трудящихся, эмигрировавших из Польши в поисках заработка, и где было довольно много польских демократических организаций, количество поляков в Англии было очень невелико. Съехавшие сюда бывшие польские государственные и военные деятели, чиновники и журналисты оказались совершенно изолированными от широких кругов польских эмигрантов из числа трудящихся групп населения. В новой обстановке реакционные элементы польской эмиграции почувствовали себя более прочно и принялись бороться за захват руководящих постов в административных органах. Беспрестанная грызня, духовное и политическое убожество руководящих кругов польской эмиграции парализовали и без того недостаточные усилия польских организаций по борьбе с немецкими оккупантами. А между тем Польша продолжала оставаться огромным лагерем смерти и резервуаром рабов. Каждый день множил число жертв гитлеровского разбоя. Польша истекала кровью...

* * *

Начало Великой отечественной войны советского народа против немецко-фашистских империалистов явилось поворотным моментом в судьбах всех угнетённых гитлеровцами народов Европы. В героической борьбе советского народа весь мир увидел живой пример глубокого патриотизма, неиссякаемого граж-

данского мужества и непоколебимой стойкости. Воля народов Советской страны биться до полной победы над врагом рождала надежду, вселяла мужество, побуждала к борьбе другие народы. Огромное влияние Великая отечественная война советского народа оказала на соседнюю с Советским Союзом Польшу.

Советское правительство, стремясь к консолидации всех элементов, готовых бороться против гитлеровского империализма, пошло на установление отношений с лондонским польским правительством и заключило с ним соответствующее соглашение. Вслед затем советское правительство разрешило польскому эмигрантскому правительству присутствовать к созданию на территории СССР польской армии и предоставило для этой цели ряд займов. Всячески помогая созданию польских вооружённых сил, разрешив увеличить их с первоначально установленной цифры в 30 тыс. до 96 тыс. человек, советское правительство ожидало увидеть поляков сражающимися с оружием в руках против фашистских захватчиков. В декабре 1941 г. польское правительство подписало с правительством Советского Союза декларацию, в которой говорилось, что «войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками».

Польские патриоты расценили советско-польское соглашение как договор о боевом сотрудничестве советского и польского народов против общего врага. В Польше люди в те дни впервые почувствовали надежду на освобождение. Поляки говорили: «В польско-советском соглашении — залог нашей победы над гитлеровской коричневой чумой». На улице оккупированной немцами Лодзи был обнаружен труп командира немецкого штурмового отряда, к груди которого была приколоты записка с надписью: «Советско-польское соглашение в действии». Листовки, возвестившие полякам о соглашении, воспринимались как предвестники свободы и независимости. Подпольная польская радиостанция передавала: «Вновь ожила надежда в сердце польского народа. Неукротима его ненависть к проклятым немецким насильникам. Вместе со всем славянским миром встанет на смертный бой великий польский народ. Он победит. Он вернёт себе свободу. Гитлеровская шайка будет раздавлена».

Единение братских славянских народов, продемонстрированное I Всеславянским митингом в Москве в августе 1941 г. и созданием Всеславянского комитета, ещё раз показало польскому народу, что он не одинок, что он член большой сла-

вянской семьи народов, ополчившихся против немецкой пещи. С высокой трибуны Всеславянского митинга, через радио и листовки к полякам понеслись пламенные призывные слова известной польской писательницы, одного из выдающихся руководителей польской демократии, В. Л. Василевской. «Поляки,— говорила она,— вас зовут на борьбу развалины Варшавы, раздавленная, разорённая, оплётанная польская земля... На землях Советского Союза возникает польская армия. Против смертельного врага, против коричневого хищника встанет польский солдат... Поляки! Народ, который дал миру Коперника, Мицкевича, Шопена, который дал Костюшко, Ярослава Домбровского, Людвига Варынского, не будет народом-рабом! Гнать врага с польской земли!.. К оружию! Идёт, приближается день победы! Поляки! Вспомните великолепные страницы нашей истории. Пришло время воскреснуть повстанческими традициям! К оружию!»

Живительным ветром национального освобождения повеяло над Польшей. Народ пришёл в движение. Под откос полетели первые немецкие эшелоны, в дело пошли первые, ещё немногочисленные и разрозненные группы партизан. Их число возросло, их борьба расширилась и стала плодотворней после того, как разгром немцев под Москвой в декабре 1941 г. окончательно развеял миф о непобедимости немецко-фашистской армии и показал всему миру путь к победе.

Между тем освободительное движение в Польше, несмотря на свои заметные успехи, не только отставало от национально-освободительного движения других народов, в частности Югославии, но совершенно не соответствовало тому исключительно тяжёлому положению, в котором находился польский народ. Серьёзным препятствием к развитию в Польше национально-освободительной борьбы являлась позиция, занятая реакционными польскими элементами, и двойственная политика польского эмигрантского правительства.

Провозгласив свою солидарность с СССР и другими Объединёнными нациями в их борьбе против гитлеровской Германии и приняв на себя определённые военные обязательства, польское эмигрантское правительство практически очень недалеко ушло вперёд от своей созерцательной позиции. Это правительство продолжало навязывать полякам тактику пассивного выжидания и попрежнему тащилося на поводу у различных реакционных групп.

Думая не о возрождении Польши, а о своих поместьях, расположенных на украинских, белорусских, литовских землях, страдая не за судьбу своего народа, а опасаясь того, что по-

литическое пробуждение польского народа лишит их возможности восстановить своё господство в освобождённой стране, польские реакционные элементы предпочитали борьбе польского народа против угнетателей его покорное примирение с судьбой. Чтобы подорвать его веру в будущее, они нашёптывали полякам равно гнусную и глупую идейку, будто поработившая Польшу Германия и борющийся за свободу народов СССР в равной степени являются врагами Польши. Яростно ополчившись против политики сближения с СССР, Соснковский и другие реакционеры твердили, что в советско-германской войне столкнулись два врага Польши, что полякам незачем осложнять положение немцев, что СССР — «враг № 1»...

Среди польских эмигрантских кругов в Англии и США, равно как и во многих польских эмигрантских органах печати, стали учащаться выступления, резко враждебные Советскому Союзу. На арену активной политической деятельности выплзли старые отпетые пилсудчики. Бывший польский министр и бывший посол в Венгрии, ближайший сотрудник Бека Матушевский подчинил своему влиянию Национальный комитет американцев польского происхождения, с помощью которого стал вести агитацию против единства действий между СССР и его союзниками. Матушевский требовал от Сикорского, чтобы он добивался украинских, белорусских, литовских земель. Во время сталинградского сражения он решительно выступал против помощи Англии и США Советскому Союзу и шантажировал англичан угрозой разрыва англо-польского союза: «От Англии будет зависеть,— писал он,— будут ли поляки сотрудничать с Германией». Представитель виленских помещиков Мацкевич выступил с брошюркой «Львов и Вильно», в которой призывал готовиться к войне с Советской Россией. Председатель самозванного польского национального совета в Лондоне Ст. Грабский взялся за перо, чтобы доказать, что Польша находится между двумя захватническими государствами, и т. д.

Правительство генерала Сикорского с течением времени становилось всё более послушным оружием в руках реакционных польских кругов. Отход этого правительства от линии советско-польского сотрудничества в борьбе против гитлеровской Германии со всей очевидностью дал себя знать в вопросе об использовании польских вооружённых сил в СССР.

Лишь много позднее стали известны истинные побуждения генерала Андерса, о которых он высказывался только в кругу приближённых лиц. Человек, которому были доверены польские вооружённые силы, который публично клялся в готовности пожертвовать кровью в борьбе за независимость Поль-

ши, в действительности надеялся на то, что Красная Армия развалится под ударами немцев и что тогда его армия, являясь единственной вооружённой силой в районе среднего течения Волги, сможет делать всё, что захотят её руководители. Руководители этой армии насаждали среди солдат антисоветские настроения, собирали шпионские сведения, создавали внутри армии тайную антисоветскую группу ЗВЗ (Союз вооружённой борьбы), выносившую смертные приговоры солдатам и офицерам, подозреваемым в доброжелательном отношении к Советскому Союзу. Как писал впоследствии один из видных офицеров этой армии, командование армии генерала Андерса «не считало немцев врагами и не воспитывало в своих солдатах ненависти к немцам... Используя гостеприимство, доверие и дружбу Советского Союза, обманывая демократическое общественное мнение, вводя в заблуждение собственных своих солдат, горстка политических дельцов, военных и штатских, не щадила усилий, чтобы создать на территории Советского Союза армию по собственному образу и подобию — фашистскую, враждебную демократии вооружённую силу, далёкую от мысли о борьбе с немцами...»

В начале 1942 г. польское эмигрантское правительство открыло свои карты: оно заявило о своём желании вывести польские части из СССР на Ближний Восток. К августу 1942 г., в дни наступления немцев на Сталинград, из СССР было в общей сложности эвакуировано на Ближний Восток более 75 тыс. польских солдат и офицеров. Кое-кто из них уезжая думал, что путь через Иран скорее приведёт их к берегам Вислы, чем путь с Урала и Волги; многие из них дали себя обмануть. И ныне, проклиная генерала Андерса и его собратьев, не желая служить политике польских профашистов, они тщетно пытаются разорвать оковы, в которые попали, и стать в ряды активных бойцов Объединённых наций. Многие поляки сразу почувствовали, что путь на Ближний Восток не отвечает интересам страдающего польского народа, а угоден Гитлеру. Эти поляки во главе с Зигмундом Берлингом, командиром 5-й дивизии армии Андерса, отказались следовать приказу Андерса и остались верными своему долгу, слову патриотов и воинов. Так, летом 1942 г. в движении поляков, находившихся в эмиграции, началось глубокое размежевание.

Польские реакционеры строили свою тактику в расчёте на то, что СССР будет обескровлен борьбой с немцами, что СССР окажется бессильным обеспечить свои интересы, а они, располагая монополией на вооружённые силы в Польше, сумеют после войны восстановить свою власть и возродить в стране

режим конституции 1935 г. В январе 1942 г. самозванный польский национальный совет в Лондоне принял антисоветскую резолюцию о послевоенном федерировании европейских государств между Балтийским, Эгейским и Адриатическим морями, в декабре тот же орган принял решение о восстановлении Польши в довоенных границах. В феврале 1943 г. польское эмигрантское «правительство» высказалось за границы 1939 г., т. е. за раздел Украины, Белоруссии и Чехословакии. Стремясь осложнить международное положение СССР и изолировать его от союзников, польские реакционные эмигрантские круги начали провокационную кампанию вокруг своих территориальных требований к Советскому Союзу. В связи со своими претензиями на восстановление «рижской границы» они пытались расстроить единство англо-советско-американской коалиции, помешать движению за второй фронт в Европе, чем несомненно существенно помогали Гитлеру.

В своей безудержной ненависти к СССР, представляющей своеобразное исповедание веры польских авантюристических политиков, польское эмигрантское правительство солидаризировалось с гнусной гитлеровской провокацией, связанной с убийством немцами многих тысяч польских офицеров в Катынском лесу. Раздувая на все лады эту гитлеровскую провокацию, Соснковские и Кукели показали, что они как были, так и остались врагами мира между народами, врагами польско-советских добрососедских отношений, врагами польского народа.

О них можно сказать, перефразируя известное выражение о Бурбонах: они ничего не поняли и ничему не научились. Естественно, что советское правительство увидело себя вынужденным прервать отношения с польским эмигрантским правительством и ликвидировать его многочисленных представителей в СССР, оказавшиеся рассадниками шпионажа и спекуляции.

Решив, видимо, что ему больше нечего терять, польское эмигрантское правительство окончательно распоясалось и начало в интересах Берлина бешеную травлю Советского Союза. Потеряв всякое представление о реальном мире вещей, оно требовало для будущей Польши восстановления границ, предшествовавших распаду Польши. Мало того, оно объявило эти границы минимумом своих стремлений на восток, исходной точкой, от которой, по признанию официального органа правительства, последует завоевание «естественной и стратегической границы Польши» — районов Двины и Днепра.

Рачкерич, бывший в своё время присяжным поверенным в

одном из русских провинциальных городов и царским офицером, затем «пасификатором» в качестве воеводы ряда польских воеводств, а в эмиграции ставший президентом, заявил по радио: «Лучшей концепцией Польши, идеалом польского государства была польская Речь Посполита периода, предшествующего разделам».

Вот о чём мечтал ответственный сановник польской эмиграции в решающие дни войны с Гитлером!

Эмигрантское правительство национальной измены не без попустительства гитлеровских властей насадило в Польше многочисленные гнёзда отпетых врагов народа, погромщиков и террористов, морально близких эсэсовцам и гестаповцам, растленных предателей, пытавшихся в угоду оккупантам и в содружестве с ними задушить патриотическое движение в Польше.

Понятно, что польскому народу оказалось не по пути с эмигрантским «правительством» в Лондоне и его «делегатурой» в оккупированной стране.

В польском подполье постепенно, ценой огромных усилий и самоотверженной деятельности лучших патриотов, стало воссоздаваться независимое от реакционных групп антифашистское политическое движение. Авангард польского рабочего класса сумел создать свою руководящую политическую организацию—Польскую рабочую партию.

Польская рабочая партия, воодушевлённая героической борьбой народов Советского Союза, приступила к созданию военной организации, партизанских групп и отрядов, выросших в дальнейшем в Народную гвардию — самую активную из всех боровшихся с оккупантами военных организаций в Польше. В дни, когда эмигрантское правительство, отказавшись от борьбы за освобождение Польши, готовило изменнический вывод армии Андерса на Ближний Восток, первые отряды Народной гвардии, плохо вооружённые, но сильные моральным превосходством над врагом, начали войну против немцев.

Силы Народной гвардии увеличились за счёт непрерывного потока пламенных польских патриотов, жаждавших активной борьбы с захватчиками. И прошло немного времени, как операции Народной гвардии стали принимать весьма внушительные размеры. Лишь в первые полгода своей освободительной деятельности она, по далеко не полцым данным, спустила под откос 127 немецких поездов, уничтожила 36 железнодорожных станций, провела 237 более или менее крупных столкновений и боёв с оккупантами, истребила 1335 немецких солдат,

77 офицеров, в том числе нескольких генералов, уничтожила 14 самолётов, освободила из заключения 1 450 человек. 8 октября 1942 г. бойцы Народной гвардии взорвали одновременно все железнодорожные пути, ведущие к Варшаве.

Боевой пример Польской рабочей партии и связанной с ней Народной гвардии помог сформироваться и восстановить свои ряды крестьянской партии «Стронництво людове», Рабочей партии польских социалистов (ППС), побудил и их создать подпольные патриотические военные организации — Крестьянские батальоны, Народную милицию и др. Пламя национально-освободительной войны разгоралось по всей оккупированной Польше.

Крепнувшие партизанские силы начали совершать нападения на целые немецкие гарнизоны. Города Клемов и Остров на Люблинщине временно были освобождены партизанами. Там же партизаны напали на немецкий транспорт и освободили 600 поляков. В ночь с 1 на 2 февраля 1943 г. партизаны взорвали железнодорожное полотно между Скернавицами и Жирардовом, в ночь на 3 февраля 1943 г. спустили под откос два немецких военных поезда между Блоу и Шимановиче. Нанося удар центральному узлу немецких коммуникаций, польские патриоты вывели из строя железнодорожный тоннель на Варшавской железной дороге, затем взорвали железнодорожные мосты близ станций Хатылов, Радом, Кинковице, Вербковице, захватили железнодорожную станцию Пулавы и разрушили её... Перенеся борьбу на улицы польской столицы — Варшавы, — народные мстители напали на немецкий кафе-клуб, где убили и ранили около ста гитлеровских чиновников и офицеров. 26 марта 1943 г. в Варшаве патриоты совершили дерзкое нападение на грузовик гестапо, перевозивший из здания гестапо в тюрьму 24 политических заключённых, и освободили их. В Келецком районе партизаны отбили у немцев эшелон с мобилизованными для работ в Германии поляками. В Радоме патриоты убили начальника гестапо и его заместителя. Особенно больших успехов достигла истребительная война против немцев на Люблинщине, где значительная часть населения ушла в леса и вместе с партизанами создала свободные от немецкого господства районы.

Германские оккупанты попытались задуть партизанское движение дальнейшим усилением террора и карательными экспедициями в места наибольшей активности патриотов. Франк ездил в Радом и Люблин для личного руководства карательными действиями. Но сильное подпоркой со стороны широ-

ких народных масс, отражавшее их чаяния и надежды народно-освободительное движение продолжало шириться.

Серьёзным препятствием к превращению народно-освободительного движения в общенародную войну поляков против немецких оккупантов являлись распылённость партизанских сил по многим самостоятельным, часто параллельно действовавшим организациям, а главным образом — раскольническая, антинародная политика эмигрантского правительства и его агентуры в Польше.

Опасаясь потерять последние остатки доверия со стороны поляков, польское эмигрантское правительство в 1943 г. заявило о необходимости перехода от выжидания к «ограниченной борьбе» против оккупантов. Однако практически новый лозунг не означал каких-либо изменений. Всячески опасаясь массовых выступлений против гитлеровских разбойников, боясь собственного народа больше, чем немцев, польские реакционеры свою «ограниченную борьбу» против оккупантов на деле свели к коварной и предательской борьбе против народных патриотов. Изображая польских партизан как «большевистских диверсантов», «агентов Москвы», польские реакционеры прилагали немало усилий к тому, чтобы изнутри взорвать партизанские отряды, подставить их под удар немцев и, наконец, просто их истребить. Начав братоубийственную войну против лучших сынов польского народа, смыкаясь в своей преступной деятельности с гитлеровцами и облегчая им кровавое господство в Польше, польские реакционеры убили сотни и тысячи польских партизан. Подпольный орган клики Соснковского газета «Неподлеглоць» писала 15 июня 1943 г.: «Кто выразит намерение пойти в ряды большевистских партизан или будет там действовать, тот будет наказан смертной казнью как изменник». Стараясь разгромить патриотические силы, реакционные круги прямо домогались сотрудничества с немцами. Так, уполномоченный польского эмигрантского правительства в Люблине настоятельно рекомендовал «любой ценой сохранять самые хорошие отношения со всеми немецкими гражданскими властями». Тот же официальный представитель реакционных эмигрантских властей проповедывал вероломный план расправы с неугодными народными деятелями. «Немцы относятся очень враждебно к коммунистам, — поучал этот сановник, — и мы должны это использовать для своих целей, называя коммунистами всех белорусских народных деятелей. Пусть их бьют сами немцы, а мы будем в стороне как будто проявлять сочувствие к невинным жертвам».

Когда в апреле 1943 г. евреи варшавского гетто подняли вос-

стане против немцев, представители эмигрантского правительства отказались снабжать их оружием. Только Народная гвардия и некоторые другие патриотические организации оказали посильную помощь восставшим, которые в течение полутора месяцев с непоколебимым мужеством сражались с немецкими войсками, применявшими артиллерию и самолёты.

Преступная политика польских реакционных клик не встречала серьёзного противодействия ни со стороны генерала Сикорского, ни со стороны его заместителя Миколайчика, в прошлом одного из видных деятелей «Стронництво людове». Когда же 4 июля 1943 г. Сикорский и ряд его ближайших сотрудников погибли в результате авиационной катастрофы, наиболее реакционные польские круги совсем распоясались. Президент польской реакционной эмиграции Рачкевич назначил главою правительства Миколайчика, демократа, запутавшегося в связях с реакционерами, а главнокомандующим польскими вооружёнными силами, по совету польского фашиста Белецкого, назначил генерала Соснковского. Миколайчик в знак протеста против назначения Соснковского первоначально заявил было об уходе в отставку, но затем скоро смирился.

Усиление представителей старого, «санационного» режима в руководящих органах польской эмиграции немедленно дало себя знать. В вооружённых силах эмигрантского правительства, как в армии Андерса, так и в войсках, находившихся на территории Англии, началось массовое преследование солдат и офицеров еврейской, украинской и белорусской национальностей. Эти гонения, равно как и гонения на патриотически настроенных солдат и офицеров польской национальности, находились в таком вопиющем противоречии с духом политики Объединённых наций, что неоднократно являлись предметом обсуждения и осуждения в английском парламенте и в американском конгрессе. Английский журнал «Трибюн» с полным основанием констатировал, что силы Соснковского — «это армия гражданской войны в Польше».

В самой Польше отряды Армии Крайовой Соснковского всё в более широких масштабах втягивались в борьбу против польских партизан и часто превращались в прямое дополнение к карательным органам германских оккупантов. Соснковский согласился на включение в Армию Крайову фашистских дружин — Национальных вооружённых сил, — действовавших по прямому поручению гестапо.

Отряды Армии Крайовой обрушились террором на патриотов. Нелегальная антифашистская польская печать зарегистрировала огромное число преступных действий врагов народа из

лагеря польских реакционеров. Так, газета «Глас Варшавы» только в хронике одного дня отметила: «Радомское. Из кругов людовцев сообщают, что в Радомском уезде группой Армии Крайовой под командованием Орли было убито 9 человек из крестьянского батальона. Значительное большинство крестьянских батальонов в уезде отказывается подчиниться Армии Крайовой. Келецкое воеводство. В Опатовском и Копецком уездах профашистские дружины так называемого национально-радикального лагеря убили 70 крестьян...» и т. д.

Полностью возвращаясь к политике последних лет «санационного» режима, превращаясь, по существу, в гитлеровское представительство в среде Объединённых наций, клика Сосновского усилила попытки изолировать СССР от его союзников. Одновременно, смыкаясь с реакционными кругами в Англии и США, эта клика и близкие ей польские группки в Америке начали кампанию против Рузвельта. По сообщению влиятельной американской газеты «Пост Меридиэн», польский информационный центр в Нью-Йорке за несколько месяцев израсходовал около 1 млн. долларов на пропагандистскую кампанию, направленную против Рузвельта и американско-советского сотрудничества. При этом огромные суммы, тратившиеся польскими реакционерами на действия, представляющие собой вмешательство во внутреннюю жизнь других стран, являлись частью займов, которые им предоставляли правительства Англии и США для финансирования освободительного движения в Польше. Такое вопиющее злоупотребление доверием заставило соответствующие американские власти заняться изучением деятельности представителей эмигрантского правительства в США.

Один из подобных представителей, посол эмигрантского правительства Цехановский, перепевая на свой лад некоторые мотивы геббельсовской пропаганды, клеветнически утверждал на собрании поляков в Бостоне, что «тесное сотрудничество великих держав фактически приведёт к созданию системы, являющейся чем-то вроде исправленного издания фашистской концепции нового порядка». «Мысль паньствова» писала 13 декабря 1943 г., что стоящие за ней круги стремятся «довести конфликт между Россией и англо-саксами до такой степени, в какой это окажется полезным для Польши (т. е. для «санационной» клики.—А. М.)». Открыто ратуя за примирение с немецкими палачами, за единый фронт с ними, та же газета писала: «К концу войны не немцы, покидающие Польшу, будут являться главной политически-военной проблемой, но вступающие русские. И не против немцев мы должны мобилизовать глав-

ные наши силы, а против России... В условиях, созданных эвакуацией немцев, не может быть, конечно, речи ни о каком антинемецком восстании, речь может идти только о восстании антирусском». Расшатывая в меру своих сил и возможностей прочность англо-советско-американской коалиции, реакционные польские элементы ополчились против решений Московской и Тегеранской конференций. Разделяя радости и надежды гитлеровцев, они за несколько недель до вторжения союзных войск во Францию, 1 мая 1944 г., писали в своём листке «Польска вальчи»: «К счастью для Польши, к счастью для балтийских государств с Финляндией, для балканских народов с Венгрией, как непосредственно заинтересованных, к счастью для Европы и даже для всего мира, по разным соображениям не предвидится осуществление советского требования общих и одновременных действий с востока и запада».

Таким образом, полностью оправдалось суждение «Правды», высказанное ею ещё 19 апреля 1943 г., о том, что «пути германских провокаторов и их польских пособников сошлись».

* * *

Чем яснее становилась позиция реакционных кругов польской эмиграции, тем большая пропасть ложилась между ними и широкими кругами поляков, находящихся в странах антигитлеровской коалиции. В среде польских эмигрантов в различных странах началось широкое движение, приведшее к образованию ряда значительных организаций, включившихся в борьбу за освобождение своей родины, за разгром фашизма и разоблачение его агентуры в польском народе.

Видный учёный, профессор Колумбийского университета Оскар Ланге, в прошлом один из научных сотрудников Краковского университета, в мае 1943 г. выступил во влиятельной американской газете со статьёй, резко критиковавшей политику польского эмигрантского правительства и поддерживающих его польских деятелей в США. Указывая, что такие люди, как подвизающийся в США Матушевский, близкий к лидерам изоляционистов, выступающим за прекращение войны с Германией, Ланге приходил к выводу, что самозванный польский национальный совет в Лондоне «никогда не представляет», а польское правительство должно уступить место другому. способному повести польский народ к свободе и независимости. Спустя некоторое время сорок пять видных польских деятелей и американцев польского происхождения—профессор О. Ланге, сенатор штата Мичиган Новак, профессор Зотовский, профессор Хейман, поэт Юлиан Тувим, председатель профсоюза рабочих автомобильной промышленности, входящего в КПП, Заремба и

др. — опубликовали обращение, требующее удаления из состава польского эмигрантского правительства «всех антидемократических и фашистских элементов», а также «элементов, враждебных Советскому Союзу».

Демократические элементы среди американцев польского происхождения и польских эмигрантов в США стали создавать свои союзы, клубы, объединения. Весьма заметное место среди польских демократических организаций в США заняла созданная по инициативе ксендза Орлеманьского лига имени Костюшко. Центром демократической консолидации американцев польского происхождения стал возглавляемый Леоном Кжицким Польско-американский рабочий комитет, объединяющий около 600 тыс. поляков — членов профсоюзов.

Прогрессивные польские организации появились среди поляков в Англии, Мексике, Уругвае и в других странах.

Мужественными борцами за свободу показали себя поляки, проживающие во Франции. Среди полутора миллионов французских поляков после разгрома Франции создались местные межпартийные комитеты национального освобождения, включившиеся в борьбу французских антифашистов. Рука об руку с ними поляки повели борьбу против общего врага — немецких захватчиков. Тысячи польских патриотов вступили в польские вооружённые отряды во Франции, которые действовали как часть французских внутренних сил сопротивления. Помимо того польские шахтёры, составляющие значительную часть углекопов в департаментах Нор и Па-де-Кале, сыграли выдающуюся роль в забастовке шахтёров Франции, происходившей весной 1941 г., и во второй грандиозной забастовке конца 1943 г. Боевая солидарность связывала французских и польских патриотов. Как и в других местах, сторонники реакционных группировок польской эмиграции при весьма благосклонном отношении к ним со стороны немцев пытались посеять недоразумения между французами и французскими поляками и в то же время распространяли антирусские настроения. Но польские патриоты во Франции беспощадно расправлялись с агентами врага и показали себя преданными сторонниками демократии во всём мире. Борьба французских поляков за освобождение Франции является блестящим проявлением лучших патриотических чувств польского народа.

Такие же выдающиеся примеры патриотизма и непримиримой ненависти к немцам показала большая часть многомиллионной польской эмиграции в СССР. Тысячи поляков самоотверженно трудились на предприятиях советского тыла, крепя тем самым мощь Красной Армии, победоносно громившей гитлеровские

войска и теснившей их на запад, к землям измученной Польши.

Когда обнаружилось антинародное направление политики эмигрантского правительства, передовые круги польских эмигрантов в СССР, принадлежащие к разным политическим партиям, стоящим на общей им платформе борьбы за независимую, демократическую Польшу, создали Союз польских патриотов. Объединив в своих рядах значительную часть польских эмигрантов в СССР и отражая их желание активно и непосредственно содействовать разгрому германских империалистов и учреждению свободного Польского государства, Союз польских патриотов в мае 1943 г. вошёл с ходатайством в Совет Народных Комиссаров СССР о формировании на территории СССР польской дивизии имени Тадеуша Костюшко для совместной с Красной Армией борьбы против немецких захватчиков. Совет Народных Комиссаров удовлетворил ходатайство польских патриотов. На советской земле, при братской поддержке советского народа и его щедрой помощи материалами и вооружением стала формироваться регулярная польская национально-освободительная воинская часть.

В июне 1943 г. Союз польских патриотов провёл свой съезд, наметивший основные задачи Союза в деле борьбы за освобождение Польши. Съезд Союза польских патриотов приветствовал руководителей Объединённых наций. Отвечая на полученное им приветствие, товарищ Сталин писал: «Можете быть уверены в том, что Советский Союз сделает всё возможное, чтобы ускорить разгром нашего общего врага — гитлеровской Германии, укрепить польско-советскую дружбу и всемерно содействовать воссозданию сильной и независимой Польши».

Воодушевлённые словами товарища Сталина, солдаты и офицеры польской дивизии имени Тадеуша Костюшко писали главе советского правительства: «Мы твёрдо уверены в том, что при помощи Советского Союза наши надежды на восстановление сильной и независимой Польши воплотятся в жизнь».

15 июля 1943 г., в день 533-й годовщины битвы у Грюнвальда, дивизия имени Тадеуша Костюшко получила от руководителей Союза польских патриотов боевое знамя национальных бело-красных цветов с нанесённым на нём старым патриотическим девизом: «За нашу и вашу свободу». Эмблемой национальных патриотических сил Польши был избран древний орёл польской королевской династии Пястов. В отличие от клюва белого орла ягеллонской и послеверсальской Польши, обращённого на восток, клюв пястовского орла устремлён на запад, туда, откуда напирала на Польшу извечные враги славян — немцы.

В тот же день личный состав дивизии имени Тадеуша Костюшко принял присягу родине и демократии. «Приношу торжественную клятву истекающей кровью польской земле, измученному под немецким игом польскому народу, что не посрамлю имени поляка, что буду верно служить родине... Клянусь сохранить союзническую верность Советскому Союзу, давшему мне в руки оружие для борьбы с нашим общим врагом, клянусь сохранить братство оружия с союзнической Красной Армией...

До последней капли крови, до последнего дыхания буду бороться за освобождение родины, чтобы мог жить и умереть как настоящий и честный солдат Польши».

Месяца через два выросшая на советской земле польская дивизия имени Тадеуша Костюшко положила начало борьбе против немцев, участвуя совместно с Красной Армией в форсировании Днепра.

Под знамя польской воинской части, двинувшейся в поход за освобождение родины, потянулись со всех сторон польские патриоты. Многие из них пробивались через линию фронта из Польши, куда проникала и где росла слава польских солдат, прокладывающих вместе с Красной Армией путь освобождению человечества от язвы гитлеризма.

За дивизией имени Тадеуша Костюшко сформировалась дивизия имени Домбровского, затем дивизия имени Траугута. Польская национально-патриотическая часть выросла в соединение, соединение — в Польскую армию в СССР.

Боевые дела Польской армии в СССР, усилия и жертвы, принесённые ею во имя Польши, снискали ей любовь и признательность всех честных польских граждан, уважение всех сторонников демократии. С надеждой взирала Польша на ратный подвиг советского народа, оттеснявшего немцев на запад, к рубежам польской земли. С замиранием сердца вникала она в слова приказа Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина: выволить братьев поляков, чехословаков и другие народы из-под немецкого ига.

* * *

Победы Красной Армии приближали её к землям Польши. Приближение армии-освободительницы накладывало на польский народ моральное обязательство помочь ей расширением своей борьбы, сплочением своих сил. Одновременно усилился бешеный террор гитлеровцев, делавших всё возможное для окончательного истребления поляков.

В обстановке, которая создавалась в Польше, стало совершенно нетерпимым отсутствие единства между политическими пар-

тиями, союзами и военными организациями, активно борющимися против немцев. Насущной задачей польского освободительного движения становилось создание центра, организующего борьбу с немцами и координирующего все усилия польского народа в деле борьбы за независимость и свободу родины.

В октябре 1943 г. между представителями ППС, крестьянской партии «Стронництво людове», Рабочей партии и других демократических групп начались переговоры по вопросу о создании общенационального руководства делом освобождения Польши. В завершение этих переговоров в ночь на 1 января 1944 г. представители ППС, «Стронництво людове», Рабочей партии, Комитета национальной инициативы, группы беспартийных демократов, Союза борьбы молодых («Вальки молодых»), подпольного профессионального движения, Народной гвардии, Народной милиции, крестьянских батальонов, ряда местных военных формирований Армии Крайовой, группы кооператоров, группы работников умственного труда и др. образовали Национальный совет Польши (Крайову раду народову). С созданием Национального совета Польши—этого своего рода парламента—польский народ приобрёл руководящий центр борьбы против немецких оккупантов, за новую Польшу.

Национальный совет Польши на первом пленарном заседании решил приветствовать правительства США, СССР и Великобритании и принял свою программную декларацию. «Будущее Польши,—говорилось в этом документе,—полностью зависит от нашего участия в происходящих сейчас событиях, от вклада народа в дело общего освобождения. Место и роль Польши в послевоенном мире, наше существование, существование будущих поколений зависит от того, по какому пути пойдёт польский народ.

В этот исторический момент необходимо создать в стране руководство, представляющее волю, стремление и интересы широких слоёв польского общества. Вокруг этого руководства должен сплотиться весь народ для борьбы с оккупантами и для приближения победы. Это руководство заложит прочный и здоровый фундамент будущего здания польского государства, оградит польский народ от попыток навязать ему снова «санационную» диктатуру, наметит ясный план действий на ближайшее будущее». Отмечая, что польское эмигрантское правительство «во всей своей деятельности не считалось с волей и мнением общественности в стране, вело и продолжает вести политику, противоречащую интересам Польши, скатилось к роли представителя узкой клики и как таковое не имеет пра-

ва выступать от имени страны и народа», Национальный совет Польши обещал создать временное правительство, которое будет пользоваться властью до того момента, когда на основе всеобщих, равных, тайных, прямых и пропорциональных выборов будет созван Учредительный сейм.

Рассматривая себя как верховный орган власти, Национальный совет Польши решил создать местные органы в виде воеводских, уездных, волостных, национальных советов, а также принял решение об объединении всех антифашистских военных организаций в единую Народную армию.

Боевые дела Народной армии оказали определённое влияние даже на некоторые группы внутри Армии Крайовой генерала Соснковского, отдельные отряды которой порвали со своим антинародным руководством и включились в национально-освободительную борьбу.

Достигнув известных успехов в своей деятельности, Национальный совет Польши направил своих уполномоченных в Мокву для установления контакта с Союзом польских патриотов в СССР и Польской армией в СССР, а также с союзными правительствами. 22 мая 1944 г. уполномоченные Национального совета Польши во главе с Осубка-Моравским были приняты товарищем Сталиным.

Образование Национального совета Польши и его последующая успешная деятельность вызвали взрыв ярости у клики Соснковского—Кота—Кукеля. Положение этой клики оказалось далеко не блестящим. От неё начали отделяться все те, кто в какой-либо мере, пусть ошибочно и трижды неверно, но всё же по-своему честно пытались служить интересам Польши. Знаменательной в этом отношении явилась позиция генерала Желиговского, ближайшего сподвижника Пилсудского, одной из значительных фигур послеверсальской Польши.

Желиговский призвал польское эмигрантское правительство пересмотреть свою политику, укрепить союз славянских народов, отказаться от вражды с Россией, обновить свой состав за счёт представителей подпольной Польши и Союза польских патриотов в СССР.

Изолировав себя от широких кругов польских эмигрантов в Англии и СССР и лишившись в связи с созданием Национального совета Польши возможности выдавать себя за представителя польского народа, эмигрантское польское правительство сделало попытку опереться на американцев польского происхождения. Не без поддержки реакционных лидеров республиканской партии США руководители «Национального комитета американцев польского происхождения» созвали в конце мая

1944 г. в Буффало «конгресс» американцев польского происхождения. В принятом конгрессом обращении к Рузвельту содержалось требование поддержки империалистических притязаний реакционного польского «правительства» в Лондоне.

Однако конгресс американцев польского происхождения в Буффало на деле оказался конгрессом незначительной части американских поляков. Широкие круги американцев польского происхождения не пошли за профашистскими авантюристами, однажды уже бросившими Польшу на произвол Гитлера.

Эти американцы польского происхождения хотят видеть сильную, независимую и демократическую Польшу, Польшу, оберегающую славян от немецкого натиска, Польшу, признательную СССР за всё, что им делается для её возрождения.

Только она, эта новая Польша, рождающаяся в очистительной борьбе поляков против гитлеровцев и прогитлеровцев, способна ответить на стремление Советского Союза к добрососедским отношениям. Ради этой новой Польши советское правительство в своём известном заявлении от 11 января 1944 г. указало, что оно не считает неизменной советско-польскую границу 1939 г., что путём двустороннего соглашения эту границу можно исправить в пользу Польши так, чтобы она прошла примерно по «линии Керзона», установленной в 1919 г. державами—победительницами Германии.

Великодушное заявление советского правительства вызвало одобрение всех сторонников мира во всём мире. 22 февраля 1944 г. премьер-министр Черчилль заявил, что британское правительство «никогда в прошлом не гарантировало... какую-либо особую линию границы Польши... Английская точка зрения в 1919 г. нашла своё отражение в так называемой линии Керзона, которая во всяком случае представляет собой беспристрастный подход к этой проблеме».

Когда Красная Армия вступила на польскую землю, Национальный совет Польши (Крайова рада народов), являющийся единственной законной властью в Польше, создал Польский комитет национального освобождения (ПКНО). В его состав вошли выдающиеся деятели польского патриотического подполья и деятели польской патриотической эмиграции. Комитет национального освобождения был создан как орган высшей исполнительной власти для изгнания оккупантов и восстановления польского государства. Одновременно Национальный совет Польши издал декрет, в силу которого он подчиняет себе Польскую армию в СССР и сливает её с Народной армией, созданной на территории Польши, в единое Польское войско,

Вслед затем Польский комитет национального освобождения был временно облечён законодательной властью.

Польский комитет национального освобождения начал свою деятельность немедленно после вступления Красной Армии и польских частей, действующих на советско-германском фронте, на территорию, лежащую за Западным Бугом. Его первым актом был Манифест к польскому народу от 22 июля 1944 г. В этом манифесте Польский комитет национального освобождения начертал величественную программу возрождения новой Польши. Ставя своей основной задачей борьбу с гитлеровской Германией, упрочение Польши, дружбу её с родственными славянскими народами и, в первую очередь, с освобождающим её Советским Союзом, манифест признаёт, что урегулирование советско-польской границы должно произойти согласно принципу: польские земли — Польше, украинские, белорусские и литовские — Украине, Белоруссии и Литве. В целях защиты от натиска германского империализма должен быть создан мощный славянский защитный вал, в основе которого должно находиться польско-советско-чехословацкое соглашение. Традиционная дружба с возрождённой Францией, прочный союз с Чехословакией, дружба и союз с Великобританией и США — таковы основы внешней политики Комитета национального освобождения. Его территориальные требования, отражающие стремления воссоединить все польские земли в составе польского государства, сводятся к возвращению Польше Польского Поморья и Опольской Силезии, к предоставлению ей части Восточной Пруссии и стратегической границы на западе вдоль рек Одера и Нейсе.

На освобождённой земле Комитет национального освобождения устанавливает свою администрацию — воеводские, уездные, городские национальные советы. Перед собой и перед своими местными органами Комитет национального освобождения ставит непосредственную задачу немедленного улучшения условий жизни широких народных масс. Наиболее важным мероприятием для достижения намеченных целей является немедленное осуществление на освобождённых территориях широкой земельной реформы.

В основе земельной реформы лежит создание земельного фонда, находящегося в распоряжении ведомства земледелия и земельных реформ. В состав этого фонда одновременно с мёртвым и живым инвентарём и строениями должны войти земли помещичьих хозяйств площадью свыше 50 га, а на территориях, ранее присоединённых к райху, — в основном площадью свыше 100 га. Земли помещичьих хозяйств передаются в

земельный фонд без возмещения, но бывшие владельцы их получают обеспечение. Предусмотрено большее обеспечение бывших владельцев помещичьих хозяйств, имеющих заслуги перед родиной в борьбе с немцами. Земли изменников народа и земли немцев, равно как всё имущество немцев, подлежат конфискации.

Как же будет использован земельный фонд? За исключением земли, предназначенной для образцовых хозяйств, земля, собранная земельным фондом, будет за минимальную плату разделена между малоземельными крестьянами, середняками, мелкими арендаторами и сельскохозяйственными рабочими в целях создания хозяйства с средним размером 5 га полезной земли среднего качества для средней семьи. Из малоземельных районов будет при помощи государства организовано переселение на территории со свободными землями, главным образом на земли, отнятые у Германии. Так Польский комитет национального освобождения намеревался осуществить аграрную реформу, чтобы вывести польское крестьянство из вековой нищеты, кабалы и унижения на путь трудовой зажиточной жизни.

Что касается трудящегося населения городов, то было предусмотрено поднятие законодательным путём заработной платы до норм, обеспечивающих жизненный уровень, установление пособия по болезни, инвалидности, безработице и старости, принятие мер к улучшению жилищных условий и законодательство в области охраны труда.

Собственность крестьян, торговцев, ремесленников, мелких и средних предпринимателей, учреждений и костёла, захваченная немцами, должна быть возвращена законным владельцам. По мере урегулирования экономических отношений предусмотрено также возвращение собственности владельцам крупных промышленных, торговых, транспортных предприятий.

Заботы о нормальном продовольственном снабжении населения, народном здравоохранении, народном образовании и развитии национальной культуры также отражены в манифесте:

Для осуществления программы национального возрождения Польши Польский комитет национального освобождения призвал поляков к борьбе за величие Польши, за разгром Германии, за национальное единение. Комитет обещал принять меры к скорейшему возвращению на родину эмигрировавших ранее поляков, но одновременно предупредил, что для гитлеровских агентов и для тех, кто предал Польшу в сентябре 1939 г., границы Польской республики будут закрыты.

Восстанавливая основные положения конституции 17 марта

1921 г., Национальный совет Польши и его исполнительный орган — Польский комитет национального освобождения намеревался увенчать свою деятельность созывом Учредительного собрания, которое как выразитель воли народа примет новую конституцию Польши.

«Освобождение Польши, воссоздание государственности, доведение войны до победного конца, занятие Польшей подобающего ей среди других государств места, начало восстановления разрушенной страны — вот наши основные задачи», — заявляет в своём манифесте Польский комитет национального освобождения.

Являясь суверенным органом возрождающейся демократической Польши, Польский комитет национального освобождения приступил к отправлению своих многосторонних государственных функций.

При вступлении Красной Армии на польскую землю советское правительство, верное своей политике уважения суверенных прав польского народа, поручило Народному комиссариату иностранных дел сделать заявление, опубликованное 26 июля 1944 г., о том, что советское правительство рассматривает военные действия Красной Армии на территории Польши как действия на территории суверенного, дружественного, союзного государства. В связи с этим советское правительство не намерено учреждать на территории Польши своих административных органов, считая это делом польского народа.

В результате происходивших в течение нескольких дней переговоров 26 июля в Москве состоялось подписание соглашения между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения о взаимоотношениях между Советским Главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши.

Статья 1-я соглашения устанавливает, что в зоне военных действий «верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, в течение времени, необходимого для осуществления военных операций, сосредоточивается в руках главнокомандующего советскими войсками».

Статья 2-я определяет деятельность Польского комитета национального освобождения, который создаёт и руководит органами администрации, осуществляет мероприятия по дальнейшей организации, формированию и комплектованию польского войска, обеспечивает активное содействие органов польской администрации советскому главнокомандующему в осуществлении Красной Армией военных операций и в удовлетво-

рении её потребностей и нужд во время нахождения на польской территории.

После освобождения своей земли от гитлеровской нечисти польский народ становится полновластным хозяином в собственном доме: «Как только какая-либо часть освобождённой территории Польши перестанет быть зоной непосредственных военных операций,— гласит статья 6-я соглашения,— Польский комитет национального освобождения полностью возьмёт на себя руководство всеми делами гражданского управления».

Соглашение ярко демонстрирует неизменную волю советского народа оказать всемерную братскую помощь польскому народу в его борьбе против гитлеровского ига, за свободную, независимую и демократическую Польшу.

Соглашение скрепляет дружбу между народами-братьями и свидетельствует о том, что вместе с рождением новой Польши рождаются новые советско-польские отношения, кладущие конец былым конфликтам и утверждающие тесное сотрудничество новой Польши с её освободителем и соседом — Союзом ССР.

Свободолюбивый польский народ, преисполненный священного гнева против чужеземных поработителей и виновников катастрофы 1939 г., воспринял вступление советских войск в пределы Польши как начало своего национального возрождения. Трогательными знаками внимания, идущей от глубины сердца признательностью встретил он советского бойца.

— Как бога, ждали мы вас!—проникновенно говорили польские крестьяне советским офицерам. Когда же польские люди увидели национальные польские войска, осенённые родным двухцветным знаменем, и то мощное, современное вооружение, которым их снабдило советское правительство, то в боевом победном марше советских и польских солдат им открылся путь встающей из руин Польши.

В ликовании, охватившем население освобождённых областей Польши, без труда был замечен огромный сдвиг, происшедший за последние годы в сознании подавляющего большинства поляков. Им стала ясна та беззастенчивая, наглая клевета, при помощи которой господствующие круги в Польше сеяли недоверие к русскому народу и другим народам Советского Союза, отдаляли от него Польшу и, наконец, в своей преступной антисоветской политике подвели Польшу под немецкое иго. Изведав плоды этой политики национального предубеждения, поляки в подавляющем большинстве своём осознали пагубность противопоставления Польши другим братским

странам и уяснили себе её место в великой семье славянских демократических народов.

Любовно принимая дар свободы и независимости, второй раз за четверть века приносимый им народами Советской страны, поляки приветствовали создание ПКНО и его манифест как гарантию того, что на этот раз свобода и независимость Польши не будут украдены антинародными кругами.

Всюду, куда части Красной Армии и Войска польского принесли свободу, приступили к действию местные Рады народы. Как правило, в их состав поляки делегировали испытанных патриотов, способных претворять в жизнь принципы новой народной политики.

Во имя свободной, суверенной Польши открылся неисчерпаемый родник народной инициативы. Исстрадавшиеся по свободному труду люди по своему почину взялись восстанавливать разрушенное немцами народное хозяйство. Уже в первые несколько дней после освобождения Люблина рабочие и служащие люблинской табачной фабрики избрали объединённый фабричный комитет рабочих и служащих и решили принять меры к луску фабрик; усилиями рабочих была начата работа в железоделательных мастерских; строительные рабочие Люблина, избрав свои руководящие органы, решили немедленно начать восстановительные работы; рабочие кожевенных предприятий взяли обязательство по снабжению польского войска обувью; образовался союз польских учителей; лесники провели съезд для обсуждения вопроса об охране государственных и частных лесов от расхищения; руководители католической церкви решили возобновить занятия в разогнанном гитлеровцами университете; печатники избрали новое правление своего союза и приступили к обслуживанию новых демократических изданий; вышли из подполья и начали кипучую деятельность антифашистские политические партии, военные организации, молодёжные союзы; собрались на съезд сельскохозяйственные рабочие Люблинского воеводства; взялись за работу текстильщики Белостока...

Невиданной политической активностью забурлила польская деревня. Крестьяне, особенно безземельные и малоземельные, т. е. подавляющее большинство польских крестьян, принимали деятельное участие в проведении подготовительных мероприятий к земельной реформе, провозглашённой в Манифесте польскому народу, и с нетерпением ждали того дня, когда к ним в руки перейдёт помещичья земля. Однако в земские управы просочились пилсудчики, всячески мешающие наделению крестьянства землёй. Применяя решительные меры, ПКНО очи-

стиль земельные органы от саботажников, агентов помещиков, врагов реформы и стал на путь широкого наделения безземельного и малоземельного крестьянства землёй. Завершение земельной реформы в освобождённых воеводствах Польши меняет экономическую основу страны: из государства крупного помещичьего землевладения Польша становится страной, где господствует трудовая крестьянская собственность на землю.

Опираясь на поддержку широких народных масс, ПКНО развернул обширную и разностороннюю государственную деятельность. Одним из первых его мероприятий был роспуск старой польской полиции и замена её новым органом государственной безопасности — гражданской милицией. Затем уездным Радам народным было предписано представить мотивированные предложения о переходе имущества немцев и предателей народа в распоряжение государства. Энергичная работа началась во всех отделах ПКНО и их местных органах.

Используя предоставленные ему права, ПКНО принял ряд важных декретов, утверждённых 15 августа 1944 г. на пленарном заседании Национального совета Польши. Среди этих актов был документ о создании воеводских и уездных управлений для проведения земельной реформы. Были восстановлены выборные суды присяжных. Принимая меры к улучшению материального положения рабочих и служащих, решением ПКНО заработная плата была повышена на 50—100 процентов. Для того чтобы создать устойчивый минимум продовольственного обеспечения населения, ПКНО установил с 1 сентября 1944 г. нормированное снабжение городского населения основными предметами питания по твёрдым государственным ценам.

Уделяя особое внимание проблемам восстановления национальной культуры, ПКНО принял ряд мер в области развития искусства, науки и школы. В семиклассных гимназиях обучение в основном строится по обновлённым программам, а посещение уроков по закону божьему сделано необязательным.

Занимаясь насущными, конкретными вопросами государственного строительства, ПКНО находит нужным разрабатывать широкие перспективные планы развития народного хозяйства, в частности в области железнодорожного строительства и электрификации страны.

Особое значение для молодого польского государства имеет строительство его вооружённых сил. ПКНО решил создать сильную, большую польскую армию, способную отстаивать неприкосновенность польских земель. Считая необходимым регулировать приток новых кадров в Польское войско, ПКНО

отказался от принципа добровольного поступления на военную службу и объявил мобилизацию граждан ряда возрастов, а также офицеров, унтер-офицеров и военных специалистов; одновременно была установлена регистрация военнообязанных десяти возрастов.

Призыв в войска был встречен польской молодёжью с огромным подъёмом. Она поспешила в призывные комиссии. Газета «Речь Посполита» на своих столбцах запечатлела волнение юных патриотов одного призывного участка, ожидавших решения о зачислении их в вооружённые силы страны: «Один из них пришёл из-под Вавра. Там ещё немцы. Он прорвался сквозь линию фронта. Другие нервничают, наивно думая, что врачебная комиссия — это ненужная волокита. Они хотят поскорее в казармы, к тем, кто уже принят. Они боятся, что не успеют, что война быстро кончится, а они не убьют ни одного немца».

В то время как большинство поляков не покладая рук трудится над залечиванием ран, нанесённых Польше пятилетним господством немцев и предшествующим режимом санации, некоторые реакционные группировки в самой Польше, заинтересованные в расстройстве сил польского народа, в подрыве его единодушия и воли к строительству новой Польши, пытаются противодействовать мероприятиям ПКНО путём враждебной агитации, распространения антиправительственных листовок, актов саботажа, диверсий и даже террора. Так, враги польского народа убили начальника районной призывной комиссии в Замостье инженер-майора Кропивницкого и его шофёра и пытались убить его жену и малолетнего ребёнка, убили ряд работников гражданской милиции, двух активистов молодёжной организации «Вици» и т. д. В статье «На что рассчитывает Гитлер» газета «Речь Посполита» писала о происках врагов польского народа: «Разве нет сейчас на освобождённой польской земле таких же Михайловичей (известный предатель югославского народа, наёмник Гитлера. — А. М.), таких, кто саботирует распоряжения польских государственных органов власти, кто увиливает от призыва в польское войско, кто поднимает кайнову руку не на немцев, а на поляка? На них именно рассчитывает Гитлер». Газета призывает усилить патриотическую бдительность и беспощадно разоблачать преступные элементы, угрожающие государственной безопасности.

Прошедшие съезды «Стронництво людове», ППС, восстановившей свою деятельность партии польской демократической интеллигенции «Стронництво демократичне» и др. продемонстрировали сплочённость всех творческих элементов польского

народа вокруг ПКНО, показали, что антифашистские политические партии современной Польши едины в своём желании видеть Польшу сильной, независимой, демократической и несомненно дружественной Советскому Союзу. В типичной в этом отношении резолюции съезда молодёжной организации «Вици» сказано: «Мы желаем свободной, независимой и сильной Польши. Нашей независимости угрожают немцы... Опираясь на исторические предпосылки и на современную действительность, мы высказываемся за союз с СССР. Мы выпрямляем нашу искривлённую на протяжении столетий политику».

ПКНО заключил соглашение с правительствами УССР, БССР и Литовской ССР о добровольной эвакуации украинского, белорусского и литовского населения, с предоставлением эвакуированным различных льгот, из Польши соответственно в Украину, Белоруссию и Литву и польского — из УССР, БССР и Литовской ССР — в Польшу.

Последовательно проводя политику добрососедских отношений, советское правительство разрешило ПКНО ввести свою администрацию на всех смежных землях, лежащих к западу от «линии Керзона», впредь до окончательного установления советско-польской границы. Советское правительство приступило к широкому оказанию безвозмездной помощи продовольствием, медикаментами, материалами гражданскому населению ограбленной немцами Польши. Братская поддержка советского народа помогает полякам залечивать нанесённые немцами раны и укрепляет родившуюся в совместных испытаниях дружбу между народами СССР и Польши.

* * *

Горячее приветствие польскому народу и ПКНО от имени народов Югославии прислал маршал Йосип Броз-Тито. Чехословацкий посол в Москве приветствовал ПКНО от имени своего народа. Радио принесло в Люблин голос представителей Сражающейся Франции: «Французский народ... приветствует возрождение великого польского народа, создание новой Польши, суверенной, мощной и демократической, которая перенесёт свои западные границы ещё ближе к границам Франции, своего извечного союзника. Прочный союз славянских народов, направленный против всяких агрессивных покушений немцев, явится самым лучшим и надёжным залогом безопасности Франции».

Естественно, что события, связанные со вступлением Красной Армии и польских вооружённых сил в СССР на территорию Польши, образование Польского комитета национального освобождения, его Манифест к польскому народу, соглашение

между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения привлекли к себе внимание общественных кругов всего земного шара.

Прогрессивные круги польской эмиграции в Англии, США, Мексике и других странах увидели в происшедших событиях торжество дела освобождения Польши. Польско-славянский комитет в Лондоне в своём обращении к председателю Польского комитета национального освобождения Осубка-Моравскому сообщал: «Мы признаём Крайову раду народову и назначенный ею Комитет национального освобождения единственной законной властью Польской республики».

Польский прогрессивный союз в Лондоне в принятом им обращении к полякам писал: «В освобождённых городах и деревнях управление перешло к польскому народу... Власть Польского комитета национального освобождения признала вся страна. В тот момент право выступать от имени польского народа перешло от эмиграции к власти в стране. Сейчас настал день, когда страна обрела свободу слова, и мы подчиняемся её воле».

Лишь реакционные круги польской эмиграции, равно как и реакционные круги в Англии и США, с непримиримой враждебностью встретили решающие события на пути к установлению свободы и независимости Польши. Они поспешили объявить Польский комитет национального освобождения «кучкой узурпаторов», нагромоздить по его адресу и адресу советского правительства горы клеветнических измышлений и ругани. Настроение этих людей понятно: в событиях последних месяцев они увидели смертный приговор своим планам реставрации империалистической Польши. Однако характерно, что даже в кругах польского эмигрантского правительства в Лондоне, во всяком случае в некоторой его части, возникло стремление выйти из политического тупика. В связи с этим премьер эмигрантского правительства Миколайчик решил предпринять поездку в Москву.

В Москве представители польского эмигрантского правительства Миколайчик, Грабский и Ромер сделали было попытку решить интересующие их вопросы за спиной польского народа и представляющего его Польского комитета национального освобождения. Но 3 августа 1944 г. товарищ Сталин принял Миколайчика и сопровождавших его лиц и высказал пожелание, чтобы вопросы, связанные с положением в Польше, были решены самими поляками. 6 и 7 августа в здании польского посольства в Москве происходили беседы представителей Польского комитета национального освобождения с делега-

цией польского эмигрантского правительства. Идя на эти переговоры, Польский комитет национального освобождения имел в виду облегчить концентрацию всех демократических сил польской общественности и образование временного правительства, в котором участвовали бы представители всех демократических течений. Но лондонские делегаты категорически отказались согласиться на отмену фашистской конституции 1935 г. и возвратиться к демократической конституции 1921 г. Переговоры были временно прерваны.

Ещё в то время, когда Миколайчик следовал в Москву, польские реакционеры из клики Рачкевича—Соснковского предприняли новую раскольническую кровавую авантюру. Используя возбуждённое настроение населения Варшавы, вызванное неизбежностью скорого крушения немецкой власти, они дали распоряжение генералу Буру, одному из вожаков Армии Крайовой, поднять восстание в польской столице. Расчёты организаторов бессмысленного и преступного выступления сводились к намерению сорвать всякую возможность соглашения либеральных элементов в польском эмигрантском правительстве с Польским комитетом национального освобождения, а при удачном исходе выступления—захватом в свои руки Варшавы—создать почву для восстановления санационного режима в Польше. Между тем немцы ввели в Варшаву по крайней мере две новых дивизии и приняли ряд весьма серьёзных мер по укреплению своего господства в польской столице. В этих условиях даже командование Корпуса безопасности—одной из составных частей Армии Крайовой—осудило планы восстания и порвало с Буром. Но безразличное к судьбам населения командование Армии Крайовой, надеясь использовать жителей Варшавы лишь как слепое орудие своей преступной политики, 1 августа 1944 г. втянуло варшавян в восстание против немцев. Преследуя тёмные политические цели, организаторы восстания не сочли нужным предварительно уведомить о своих планах советское, английское или какое-либо другое союзническое правительство, Польский комитет национального освобождения и советское командование, а также руководителей Народной армии в самой Варшаве. Изолированное от общей стратегии Объединённых наций, авантюрное в своей основе восстание привело к новой жесточайшей расправе немцев с польским народом. По сведениям «Чикаго Дейли Ньюс», во время восстания погибло около 250 тыс. человек. Только отдельным, лучше организованным и вооружённым группам инсургентов удалось закрепиться в некоторых изолированных друг от друга кварталах и в предместьях Варшавы.

Соснковский и его друзья подняли клеветническую возню, обвиняя правительства Англии и СССР в безразличии к судьбам восстания, а советское командование — в нежелании оказать помощь восставшим. Но презренные организаторы кровавых махинаций были резко осуждены широкими общественными кругами во всём мире. Даже в среде лондонских польских политических деятелей дало себя знать довольно серьёзное возмущение преступными действиями реакционной клики.

Отклоняя политическую линию реакционных элементов своего правительства, Миколайчик в конце августа 1944 г. обратился к советскому правительству и Польскому комитету национального освобождения с документом, содержащим планы реорганизации польского правительства. Этот документ советское правительство направило Польскому комитету национального освобождения, так как затронутые в нём вопросы могли быть решены лишь самими поляками. Но так как Миколайчик снова предлагал сохранить антидемократическую конституцию 1935 г. и настаивал на том, что эмигранты должны получить 80% правительственных постов в Польше, то сколько-нибудь серьёзных последствий его обращение не имело.

Несмелые попытки некоторых лондонских польских кругов найти выход из тупика, в который они завели себя, попытки вернуться на широкую стезю политической жизни совместно со всем польским народом находились в вопиющем несоответствии с воинствующей антинародной позицией Соснковского и его людей. Навязав Варшаве новое мученическое испытание, они попытались стать в позу национальных героев и криком о всеобщем мнимом предательстве польского дела, криком, подхваченным и воспринятым гитлеровской прессой и радио, прикрыть своё новое действительное предательство дела польского народа. Англо-американское командование сделало было попытку обеспечить повстанцам помощь оружием и боеприпасами, сбрасываемыми с самолётов. Но опыт показал, что значительная часть таких посылок падала весьма далеко от тех, кому она была предназначена. Приблизившись в ходе наступательных боёв к Варшаве и проделав тщательную разведку местонахождения отдельных повстанческих групп, Красная Армия начала доставлять им оружие и продовольствие. Лишь в ночь на 13 сентября 1944 г. 292 советских самолёта сбросили над расположением повстанцев 180 тыс. патронов, 1 200 гранат, несколько сот автоматов, большое количество продовольствия. На следующий день, 14 сентября 1944 г., части Красной Армии штурмом овладели городом и крепостью Прага — предме-

ством Варшавы, на правом берегу Вислы. С освобождением Праги части Красной Армии получили возможность оказать непосредственную огневую поддержку варшавским повстанцам и тем самым создали условия, позволявшие им либо продержаться, либо отойти за линию советско-германского фронта. Но именно тогда, когда в результате операций Красной Армии несколько улучшилось положение восставших, Бур и другие инициаторы восстания, находившиеся, кстати сказать, весьма далеко от самого района военных действий, приняли решение о ликвидации восстания путём капитуляции перед немцами. Только отдельные отряды восставших, отвергнув приказы Бура, прорвались на соединение с частями Красной Армии и Польского войска. Остальные повстанцы, спровоцированные на неподготовленное и преждевременное выступление, в конечном счёте были преданы немцам.

«Трагедия Варшавы,— заявил председатель ПКНО Осубка-Моравский,— это не только ужасное и зверское истязание её оккупантами и врагами. Трагедия Варшавы—это также итог преступной, безответственной и коварной игры, затеянной санационной кликой, которая из грязненьких побуждений, из жадности властвования над народом провозгласила лозунг преждевременного, неподготовленного, безнадёжного и несогласованного с союзниками восстания».

Не будучи в состоянии пройти мимо возмущения варшавской трагедией общественных кругов всего мира и особенно со стороны польского народа, эмигрантское польское правительство потребовало у Рачкевича увольнения Соснковского в отставку. Правда, даже предлог для этого требования был выбран второстепенный (несогласие с рядом формулировок приказа Соснковского). После некоторой проволочки Рачкевич оказался вынужденным пожертвовать Соснковским и вместо него назначил главнокомандующим всеми вооружёнными силами эмигрантского правительства генерала Бура. Однако, если верить сообщению германского информационного бюро, на следующий день после оказания ему такой «честь» генерал Бур сдался в плен немцам. Эмигрантское польское правительство опять попало в весьма неловкое положение.

В октябре 1944 г., в дни пребывания гг. Черчилля и Идена в Москве, представители эмигрантского польского правительства в том же составе вторично явились в Москву.

При участии товарищей Сталина, Молотова, премьера Черчилля, министра иностранных дел Англии Идена, американского посла в Москве Гарримана, представителей ПКНО, эмигрантского правительства и других лиц состоялась конференция по

польскому вопросу. Успешное строительство новой Польши, несомненная прочность позиции ПКНО побудили Миколайчика сделать попытку склонить руководящие органы польской реакционной эмиграции к сотрудничеству с Польским комитетом национального освобождения. Но усилия, приложенные им в этом направлении по возвращении в Лондон, оказались напрасными. Потерпев неудачу в попытках достигнуть компромисса между эмигрантскими польскими кругами и руководящими органами возрождающейся Польши, Миколайчик вышел в отставку.

После довольно продолжительной возни в реакционном эмигрантском лагере в Лондоне составилось новое польское правительство. В число деятелей этого руководящего центра польской реакции вошли лица, открыто примыкающие к польским фашистским группировкам,— Березовский, Фолькерский и др. Состав нового польского эмигрантского правительства, писала газета «Пост Меридиэн», «производит впечатление олицетворения ненависти к Советскому Союзу». Несомненно, что выдвижение в состав эмигрантского «правительства» оголтелых врагов польского народа свидетельствует о решении польских реакционных группировок продолжать борьбу против собственного народа, препятствовать делу его освобождения и создания демократического польского государства, дружественного СССР и всем Объединённым нациям. Теперь ясно для всех, что последние события в лондонском эмигрантском лагере исчерпали возможности какого-либо контакта и сотрудничества между ПКНО и польским реакционным центром в Лондоне. Вожаки польской реакционной эмиграции несомненно подводят себя под действие того положения Манифеста к польскому народу, в котором установлено, что границы Польской республики будут закрыты «для гитлеровских агентов и для тех, кто предал Польшу в сентябре 1939 года».

Польский народ, добившись существенных успехов в деле восстановления польского государства, оказался перед рядом новых сложных политических задач. В их числе первое место занимает борьба за завершение освобождения страны и укрепление молодого демократического польского государства. В связи с этим польская общественность развернула широкое движение за безотлагательное преобразование Польского комитета национального освобождения во Временное правительство Польской республики. Добиваясь изменения статута высшего органа государственной власти, польский народ исходит из того неоспоримого факта, что деятельность ПКНО, достигнутые им успехи в деле консолидации сил польского народа, укреп-

ление его государственности, проведение земельной реформы, создание польского войска, восстановление польской культуры, подъём народного хозяйства страны, выправление курса внешней политики неоспоримо свидетельствуют о том, что, не называясь правительством, ПКНО на деле осуществляет всю полноту правительственных функций на освобождённой части Польши.

В годовщину образования Крайовой рады народной—31 декабря 1944 г. — собравшийся в Люблине пленум Рады принял решение о преобразовании Польского комитета национального освобождения во Временное национальное правительство Польской республики. Созданное на основе польской конституции 1921 г. Временное правительство представляет собой коалицию тех же четырёх демократических партий, которые входили в ПКНО. В своей программной декларации оно заявило, что считает главной своей задачей «приближение момента освобождения всей страны, момента окончательной победы над гитлеровской Германией». «Правительство сделает всё,—гсворится далее в декларации,—чтобы участие польского народа в борьбе с гитлеризмом было наиболее полным».

Образование Временного правительства явилось прямым результатом установления на освобождённых территориях демократического строя, раскрепостившего творческие силы народных масс и сплотившего их для борьбы за сильную, независимую, свободную и демократическую Польшу. Президиум Верховного Совета Союза ССР, официально уведомлённый 4 января 1945 г. о создании Временного правительства Польской республики, принял решение о его признании и об обмене с ним дипломатическими представителями. Это решение Президиума Верховного Совета Союза ССР обеспечивало серьёзное укрепление международного положения польского демократического государства.

Не успела ещё улечься радость в освобождённых воеводствах Польши в связи с образованием Временного правительства и признанием его со стороны СССР, как на польской земле произошёл ряд новых событий всемирно-исторического значения.

12 января 1945 г. части Красной Армии перешли в наступление и всесокрушающим стремительным ударом взломали немецкую оборону на всём протяжении Восточного фронта от Карпатских гор до Балтийского моря. 17 января 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта, в том числе 1-я армия Польского войска, освободили столицу многострадальной Польши, разрушенную, взывающую к отмщению, героическую Варшаву.

Спустя ещё два дня, победно осуществляя свою освободительную миссию, Красная Армия изгнала немецких захватчиков из Кракова и Лодзи, а затем пересекла польско-германскую границу и вторглась в немецкую Силезию, Померанию и Бранденбургскую провинцию. Господство немецко-фашистских империалистов в Польше закончилось. Усилиями советского народа и его Красной Армии польскому народу были возвращены свобода и независимость и предоставлена возможность воссоздать сильное, демократическое польское государство.

Советский народ, испытавший на себе всю подлость и вероломство фашистских поработителей, с огромной радостью встретил вести о новых выдающихся успехах Красной Армии и об избавлении ею польского народа от кровавого ига немецко-фашистских разбойников. Стремясь облегчить польскому народу ликвидацию ужасных последствий гитлеровского господства в Польше, правительства четырёх братских советских республик — РСФСР, УССР, БССР и Литовской ССР — тотчас же преподнесли голодающему, измученному населению Варшавы дружеский безвозмездный дар в 60 тыс. т хлеба и некоторое количество других продуктов. Продовольственная помощь советского народа Варшаве была воспринята в Польше как животворящий символ бескорыстной дружбы и братства народов СССР и Польши.

По мере продвижения фронта на запад во вновь освобождённых польских городах и сёлах устанавливалась временная польская демократическая администрация, создавалась добровольческая гражданская милиция, брались под охрану жизнь и собственность поляков. Раскрепощённому польскому народу возвращались гражданские права и человеческое достоинство. Вызволенный из-под немецкой неволи польский народ славил Красную Армию — освободительницу и её вождя — Маршала Сталина.

Вся передовая и демократическая общественность восторженно приветствовала освобождение Польши. В польской среде только горстка отпетых реакционеров, отщепенцев, давным-давно предавших национальные и государственные интересы Польши, убедившись в крушении своих планов на реставрацию старого реакционного польского режима, явно сожалела о полном освобождении Польши Красной Армией. Для этих людей исчезали последние возможности политического шантажа и игры на международных противоречиях, связанных с тем, что польское эмигрантское правительство все ещё продолжало находиться в дипломатических отношениях с правительствами Англии и США, а Временное правительство Польской респуб-

лики, переехавшее в освобождённую Варшаву, было признано советским правительством.

В результате полного освобождения Польши Красной Армией развитие польского вопроса вступило в новую фазу. К территориям пяти полностью или частично освобождённых воеводств, где действовали вначале Польский комитет национального освобождения и сменившее его Временное правительство, присоединилась вся страна, в том числе её основные индустриальные районы. К шести миллионам поляков, получивших свободу и независимость в ходе летней кампании Красной Армии 1944 г., присоединилось ещё 10—11 млн. поляков, освобождённых Красной Армией в зимнюю кампанию 1945 г. Новое положение, естественно, потребовало создания Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно до полного освобождения Польши. Наконец полное освобождение Польши облегчало разрешение тех разногласий по польскому вопросу, которые ещё продолжали иметь место в среде трёх ведущих Объединённых наций.

На происходившей в первой половине февраля 1945 г. конференции руководителей трёх союзных держав—Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании — в Крыму был подвергнут обсуждению вопрос о Польше. В результате обсуждения польского вопроса союзные державы вновь подтвердили общее желание «видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу». В связи с тем, что в результате полного освобождения Польши Красной Армией создано новое положение, было признано целесообразным реорганизовать действовавшее в Польше Временное правительство на более широкой демократической основе. Главы трёх союзных держав договорились о необходимости «создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое Правительство должно называться Польским Временным правительством Национального Единства». Было условлено, что когда такое правительство будет сформировано, «Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединённого Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения

с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами».

Главы трёх правительств обсудили также вопрос о границах воссоздающегося польского государства и признали, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от неё в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. «Главы трёх правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что, вслед за тем, окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

Исторические решения руководителей трёх союзных держав — Советского Союза, Великобритании и США — о Польше являются новым ударом по гитлеровской Германии, по проискам её прихвостней и новым успехом дела Объединённых наций. Эти решения сблизили позиции трёх великих держав и обнаружили наличие у них общей воли помочь польскому народу укрепить свою государственность и добиться национального единства всех подлинно антинацистских и демократических групп. Решения Крымской конференции, положив предел раскольнической политике лидеров реакционной части польской эмиграции, обеспечивают польскому народу возможность построить сильную, свободную, демократическую Польшу, признанную всеми Объединёнными нациями и занимающую достойное место среди государств Европы, навеки освобождённых от тирании германского империализма.

Вызволённая из-под немецкого ига Польша возвращается в семью европейских народов с тем, чтобы занять новое место в системе международных отношений, чтобы стоять на страже международной безопасности, интересов мира и демократии.

Редактор А. Варшавский
Подписано к печати 3 марта 1945 г. А16021. Объем 4 печ. л.
Тираж 30.000 экз. Заказ № 2418. Цена 1 руб.
Типогр. газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.